

Александр
Добрый

третий тост
рассказы

Александр Добрый

Третий тост

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70242898

SelfPub; 2024

Аннотация

События Специальной Военной Операции незаслуженно, но закономерно заслонили собой славные страницы Донецкого Ополчения. Книгу человеческой Истории без начала и конца продолжает печатать Великий Писатель. Война неумолимо и страшно катит всё дальше по судьбам людей и стран, тяжело подминая под себя само время. В этом сборнике я собрал рассказы о реальных людях и реальных событиях Русской Весны, перевернувших мою жизнь. Я пытаюсь рассказать то, что видел своими глазами – с чего всё начиналось... Очень хочу создать словесный памятник своим друзьям-товарищам, защитникам Донбасса – живым и уже ушедшим навсегда.

Содержание

Предисловие	4
1. Мой второй день рождения	11
2. Сорок дней на Донбассе	37
3. Горячая весна 2015 года	76
4. Злой и Добрый	105
5. Год после	137
6. Круг замкнулся	159
7. Память	177
8. Тропа разведчика	201
Послесловие	214

Александр Добрый

Третий тост

Предисловие

Огромная чёрная клякса в моём мозгу расплзлась, рвалась на тягучие бесформенные части, постепенно наполняя свой центр ярким обжигающе белым и багровым цветом...

Готов поклясться, что я каким-то непостижимым образом находился прямо внутри страшного, чудовищно медленного взрыва. Гудела и раскалывалась голова, колотилось сердце. лёгкие судорожно сжимались, сотрясаемые диким кашлем. Давно знакомый, но почти забытый, тяжёлый и удушливый запах заполнял всё вокруг – всю, катастрофически уменьшающуюся вселенную, щипал глаза, заползал в меня через нос и горло, подавляя волю, мешал думать и шевелиться...

Я пытался подняться с бетонного пола, где вдруг очутился, скинутый с импровизированного лежака из двух ящиков с 82-мм минами и снятой с петель двери. Пол был усыпан осколками толстого стекла с окон гаража пожарной части, который мы взяли под себя после успешного штурма Лисичанского НПЗ. Мысли хаотично скакали между событиями последних дней.

Мы буквально попали с корабля на бал – прямо с ко-

лѐс вслед штурмующим группам заходили и закреплялись в новых освобождѐнных посѐлках, окружая Лисичанск с юга и отрезая украинский гарнизон от снабжения. Сначала под сильным обстрелом проскочили населѐнный пункт с неуместным ныне названием Мирная Долина, потом село в низинке с романтическим именем Волчеяровка и выскочили на Нефтеперерабатывающий завод, который был похож на страшный сюрреалистический город.

(фото из личного архива А. Доброго)

Шатаюсь, встал на ноги. Липкая густая чернь ночи, звон в ушах, засыпанные пылью глаза. Окликнул ребят – все ли живы. В ответ слышались неловкая возня, кашель, забористый мат и смех – смех людей, чудом избежавших смерти.

Очередное военное чудо – «Хаймерсы» не долетели буквально несколько метров. Огромная воронка с тыльной стороны здания медленно выплывала сквозь утренний туман. Ещё одна ракета ударила в верхние этажи. Все были живы-здоровы, бурно обсуждали события ночи – кто куда упал, как испугался и как счастливо обрадовался этой прекрасной жизни в грязи и копоту, в тяжёлых трудах и стойком кислом запахе войны.

Спрашивают меня, а я не знаю, что ответить – рваные картины прошлого крутятся, как в детском калейдоскопе... Что я опять здесь делаю? Я знаю, что было и знаю, что будет... Мне уже перевалило за пятьдесят, а я отправляюсь в очередную командировку... Смотрю на мужиков – им всем пятьдесят плюс и не все из них вернутся домой. Летом 2022 дядя Вова подписал указ, который давал возможность нам старым пойти на эту войну добровольцами, чтобы детям нашим и внукам меньше досталось смерти и грязи.

Так в июне и набрался очередной отряд БАРС-19 из представителей поколения с крепким советским воспитанием и

патриотическими понятиями. Как говорил товарищ знакомый генерал: «Они конечно вперёд не побегут по причине слабых ног и излишнего веса, но и назад тоже не побегут по тем же соображениям. А значит, можно быть уверенным за участок фронта, который держат наши Барсы».

Я смотрел на этих дедов, что радовались как дети, и задумчиво улыбался – сколько лет войны ещё впереди... И сколько их уже позади... Когда же эта война началась для меня и моих товарищей, многие из которых безвозвратно ушли в далёком Пятнадцатом?..

Нахлынули воспоминания – когда-то и у нас всё было в первый раз... Бесконечные окопы, лесопосадки, дым пожаров, содрогание земли от взрывов, а может от ужаса, что на ней творился, череда ключевых событий, которые укрепляли нас в правильности выбранного Пути. Родные лица боевых друзей-товарищей, искрящийся смех, шутки и непобедимая объединяющая Вера в суровых и спокойных глазах русских воинов.

24.02.2023

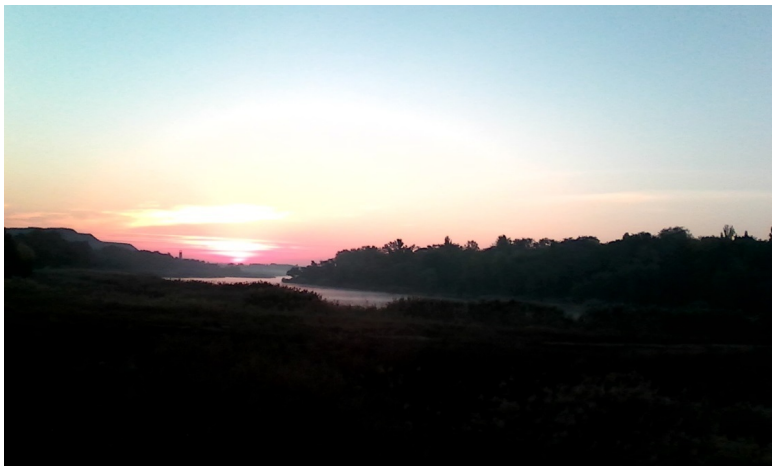
A photograph of a sunset over a forest. The sun is low on the horizon, creating a bright glow and lens flare. The sky is a mix of blue and orange. The foreground is dark, showing the silhouettes of trees and a path leading towards the sun.

МОЙ ВТОРОЙ

день рождения

(фото из личного архива А. Доброго)

1. Мой второй день рождения

(фото из личного архива А. Доброго)

Я бежал, бежал вниз по яркому, цветущему холму, благоухающему и сочному, такому мягкому, что я почти не чувствовал ног, а свежий ветер в лицо создавал ощущение полёта. Ярко светило солнце, воздух звенел запахами весны, молодых цветов и трав. А простор манил и звал далеко-далеко, к самому горизонту, по пологим холмам, в безумстве красок и оттенков, наполняющих взор бесконечным и таким осяза-

емым восторгом, что захватывало дух от счастья и хотелось петь, столь же чисто и восторженно, как пели мириады птиц и цикад вокруг.

Я уже был здесь, определённо был! Мне до боли знакомы эти холмы, этот цветущий луг, ещё немного и я достигну своей цели, вернусь домой, откроется дверь, а за ней... И я вспомню что-то очень важное и нужное, но это будет потом, вот-вот, а сейчас я наслаждался предвкушением своего возвращения и само это чувство переполняло меня блаженством и радостью! Это чувство ни с чем не перепутаешь и порой оно восхитительнее самой встречи... Я буквально парил над землёй легко и невесомо... Вдруг кто-то схватил меня за плечи и потянул назад.

Перехватило горло и вместо льющейся песни глухо заклокотало, захрипело. Я попытался вырваться из цепких пальцев, но меня уже опрокинули навзничь и придавили к земле. Не хватало сил даже пошевелиться, я зло и недовольно осматривался, с трудом ворочая зрачками и напрягая память, чтобы запечатлеть ускользающую картину счастья, которая рвалась и расплывалась, превращаясь в кляксы меняющихся пятен. Разом потемнело небо, затихли птицы и навалилась безмерная усталость. Тупая, нудная боль давила на грудь, низкий серый потолок, казалось физически, мешал дышать и открытый рот всё никак не мог схватить этот тяжёлый, густой воздух. Как я здесь оказался, столь неожиданно и неотвратимо? В нос ударил острый запах нашатыря, го-

рели щёки от ударов, а в уши ворвался бессвязный женский голос. Две белые фигуры тщетно пытались затащить меня на каталку, дёргая за руки и что-то объясняя... Как я был зол! Кто они такие, почему вцепились в меня и чего хотели? А главное, куда делся мой прекрасный мир, такой светлый и понятный, в котором я вот-вот должен был вспомнить что-то очень-очень важное и счастливое?

Наступил октябрь, ещё сухой и солнечный, но по утрам уже ложился иней, а над ставком клубился пар, поднимаясь к небу под первыми лучами. Мы уже две недели ходили здесь по серой зоне, создавая напряжение, вдоль и поперёк прочесали зелёнки до позиций противника и немного вглубь. Результатов никаких, слабым утешением был вынужденный отход противника из выдвинутой вперёд укрепки, куда мы заползли следом, взяв в свой боевой музей красно-чёрную тряпку, брошенную владельцами, посмотрев на два чучела в касках и срисовав расположение окопов, блиндажей и огневых точек, вполне возможно типовых.

(фото из личного архива А. Доброго)

Подобных укрепок – квадратных бассейнов для орошения полей было несколько. Определили проходы, ловушки и растяжки, которые аккуратно переступали или ныряли под натянутыми на уровне груди. Поставили свои сюрпризы и ушли.

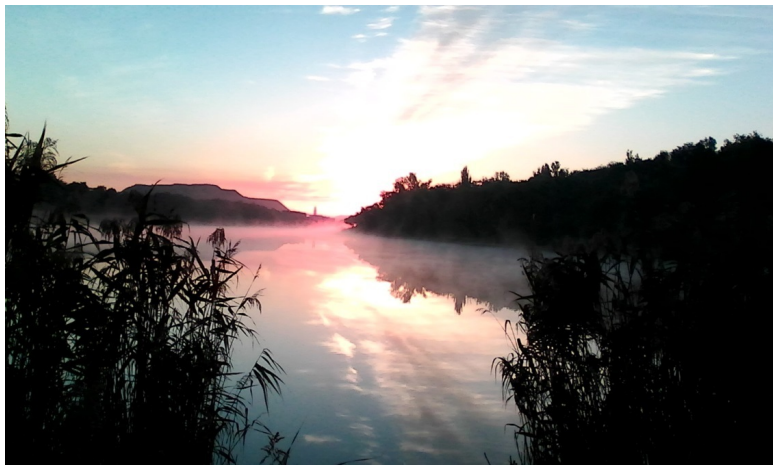

(фото из личного архива А. Доброго)

Вчера прибыли две группы под вполне реальную задачу, но они полночи гудели, что-то отмечали с криками и стрельбой, мешали спать и изрядно разозлили.

Я проснулся от топота и фыркания, быстро подтянул свой АК, с которым каждую ночь спал в обнимку, снял с предохранителя и поднял голову, напряжённо всматриваясь в предрассветный туман. Раздвигая заиндевелую траву, прямо на меня деловито и неспешно вышел здоровый ёж, задумчиво посмотрел мне в глаза и пошёл дальше. Он охотился на мышей, которых расплодилось необыкновенное множество на необруанных полях, они были везде: в РД-шках, на спаль-

никах, под спальниками, на деревьях, с громким писком падали с веток и не боялись ничего... На противоположной стороне тоже страдали от мышей, поэтому мы их считали за союзников, памятуя о мышинном вкладе в развал армии Карла XII и предателя Мазепы.

(фото из личного архива А. Доброго)

Я встал, натянул берцы и пошёл к ставку умываться. Холодная вода согнала остатки сна и успокоила нервы, которые опять стали шалить по событиям этой ночи. Шёл второй год войны, люди уже напрочь потеряли чувства меры, страха и опасности. Ходили по краю так долго, что плевать

хотели на сам риск и свою жизнь. Я понимал всё это, но сегодня было не до философии. Вполголоса матерясь, прошёл между спящими и растолкал свою группу. Быстро позавтракав, мы легко и привычно вошли в броники и разгрузки. Надёжная тяжесть доспехов придавала силы и уверенность. В отличие от пехоты, сидевшей в окопах порой с одним магазином и приказом: «Не отвечать на провокации», мы несли всё, что могли унести, сами определяя количество БК и вооружения, а также необходимость его применения. На противоположной стороне мы наблюдали такую же картину, когда простые ВСУ-шники меняли друг друга на постах, передавая один и тот же автомат с одним магазином, но были и отлично вооружённые и экипированные группы, противостоять которым и входило в наши обязанности. Мы попрыгали, проверили оружие и выдвинулись навстречу двум местным разведчикам, с которыми работали уже две недели. Напоследок подняв командиров оставшихся групп, молча вышли. До нашего опорника было километра четыре. Уставшие глаза замёрзших часовых встретили и проводили нас, внезапно появившись и так же внезапно исчезнув за спиной.

Туманная зелёнка терялась вдаль, адреналин заставлял сердце работать быстрее и быстрее, солнечный свет уже подкрасил облака над горизонтом. Шаг в шаг, беззвучно и медленно силуэты таяли один за другим, оборачиваясь в бестелесные тени. Мы прошли свои мины и превратились в слух и зрение – здесь земля ничья... За спиной осталась первая

поперечная зелёнка, впереди замаячила вторая, которая служила разделительной чертой. С нашей стороны была наша тропа, а с другой, буквально в шести метрах – тропа противника. Продольные зелёнки тянулись от наших позиций к вражеским километра на три – их разделяло метров восемьсот поля, а соединяли как раз поперечные. Так мы и ходили с противником по лесопосадкам, каждую секунду ожидая засаду, ставя свои ловушки и избегая чужие, сталкиваясь в ожесточённых перестрелках, а порой, при молчаливом согласии и общей оторванности от тылов, расходясь миром.

Так, несколько дней назад, Шамай, Гуга и Муля столкнулись лоб в лоб с вражеской группой на чужой территории. И если наши успели изготавиться, то для противника эта встреча оказалась полной неожиданностью. Пауза затянулась, смотрели глаза в глаза и Шамай, имея преимущество первого удара, но будучи в меньшинстве и на расстоянии трёх километров от своих, всё таки отпускает их. И обе группы в страшном напряжении, уже мысленно попрощавшись с жизнью, со своими родными, медленно расходились, ощутив дыхание смерти. Они так и вернулись, нервно смеясь, с блуждающими глазами и дрожащим от пережитого голосом. Я знаю ещё один подобный случай – его мне рассказывал Грек из СОБРа, только в тот раз уже укры отпустили наших парней. И у Грека так же звенел и дрожал голос, а глаза отражали трепет души, снова переживающей этот полёт над бездной.

Бескрайние поля сменяли друг друга, как в калейдоскопе. Мы шли вдоль низкой, вновь выросшей пшеницы, зёрна которой можно было растереть в ладонях и есть, её сменяли высокие и сухие стебли амброзии – пыльца забивала нос и горло, семена цеплялись за одежду, набивались в берцы, за шиворот, под разгрузку; потом тянулись чёрные, поникшие головой подсолнухи. Всё это создавало впечатление нереального, потустороннего мира, чем война и является.

Группа поддержки запаздывала и мы решили проверить параллельную зелёнку, по которой предстояло идти нашим товарищам. Возможно это доброе, но необязательное дело и спасло нам жизнь – всё было чисто, но на пересечении зелёнок валялись остатки растяжки, какие-то ошмётки, в воздухе висел ещё стойкий запах гексогена. Пару дней назад птица или зверь сорвали смертельную нить – и подобных случаев было довольно много на наших тропах. Мы получили предупреждение, сообщили второй группе, что их путь чист и вернулись на свою зелёнку искать возможную ловушку. Я едва успел схватить за плечо впередиидущего сапёра из местных, когда в высокой траве, словно змея блеснула чёрная нить.

(фото из личного архива А. Доброго)

(фото из личного архива А. Доброго)

Мы уже насмотрелись на всевозможные мины и самоделки, от близости которых перехватывает дыхание и бросает в дрожь. Наша была цинком, полным гексогена и на счастье длинной нештатной нитью, намокшей от утренней росы. Сапёр Беда – кто их учит выбирать такие позывные? – любовно сложил находку в сторонку, отметив палочкой, чтобы забрать на обратном пути. Мы обменялись говорящими взглядами и двинулись дальше – впереди уже маячила третья поперечная зелёнка, сразу за которой противник обустроивал новую укрепку и шли мы уже по тропе, натопанной вражескими ДРГ.

Время от времени поглядывая на параллельную зелёнку, где должна будет идти вторая группа, я непроизвольно наткнулся на большой красный куст. Анализировать свои подозрения на расстоянии восьмисот метров было бесполезно, но вспомнились слова моего названного брата – если тебе что-то кажется, действуй из расчёта, что там засада и очень часто его слова подтверждались. Связь отсутствовала, а она часто пропадает в нужный момент из-за головотяпства и наплевательского отношения к своим обязанностям. И даже через много лет я удивляюсь, как в тот день мы отскочили с минимальными потерями. Надо было идти и мы шли, найдя чуть дальше и в стороне ещё одну укрепку противника, которая могла доставить нам проблемы с отходом. Третья группа должна была прикрывать именно нас от подобных случайностей, но после шальной ночи и помятого утра, тупо пошла следом за второй, ломая все наработки. Итоги складываются из многих составляющих, а у нас минусов собралось больше, чем плюсов. И не давала покоя откровенность противника при сооружении новой укрепки с дымами и работой трактора, как будто нас приглашали и ждали.

За день до начала строительства Сова и Герасим наблюдали за разгрузкой двух разных по экипировке и поведению групп, правда в другом квадрате. Но здесь всё рядом и работали мы уже давно, чтобы уже ждать противодействия именно нам, как часто бывало прежде. Первая группа «строителей» была хорошо вооружена, но говорлива, а вот вторая так

быстро и тихо разгрузилась с БМП и растворилась в тени деревьев, что толком разглядеть их не удалось – явно прибыли по нашу душу.

Тем не менее, мы обязаны были придерживаться плана и вернулись к стыку нашей зелёнки с третьей поперечной. То, что на карте было лесополосой – в реальности представляло из себя редкие одиночные деревца, идущие по природному бугру на виду у только что обнаруженной укрепки. Надо отдать должное противнику – оборону они строили грамотно и системно, с постоянной страховкой своих позиций. Все мои попытки оправдаться носят гипотетический характер, потому что нам даже не удалось дойти до заданной точки. Изю всех сил стараясь превратиться в жидкость, мы стали осторожно просачиваться сквозь сухие, ломкие и громкие стебли двухметровой амброзии. Оставалось метров сорок до первых деревьев и ещё несколько сотен вдоль зелёнки до цели, когда раздалась заполошная стрельба на параллельном участке, где двигались наши товарищи. Они попали в засаду – раздавались очереди автоматов и ПК, завёлся БТР и начал работать КПВТ, одиночная «плётка» щёлкала с бугра. Время на раздумья не было и, быстро переглянувшись, мы откатились чуть назад на чистое место и открыли огонь по противнику.

Конечно, я часто возвращаюсь в тот день и анализирую другие возможности своей группы – мы могли выскочить на бугор и атаковать во фланг, как изначально предпола-

лось, но нас было семь человек, впереди пятьсот – шестьсот метров до активных действий, а за спиной оставался противник и никакого прикрытия на четырёх километрах отхода. И именно мне предстояло решать, совать ли головы этих парней в петлю с сомнительными шансами на успех. Бесконечная война с политической волокитой и неизменной линией фронта заставляла беречь жизни и я уверен, что тогда поступил правильно. Вместо слепой и авантюрной атаки, мы вызвали огонь противника на себя и заставили его отпустить нашу вторую группу, попавшую в засаду. Как говорил мой друг и командир Ирис: «Не нужно геройствовать – просто выполняйте свою работу так, как надо» и «Если ты бесстрашный, это не значит, что бессмертный».

И теперь уже в нашу честь играл оркестр, пели над головой пули, тяжело, методично и удивительно медленно бурвил воздух калибр 14,5. Мой добрый товарищ Расписной, чья группа попала в засаду как раз у того красного куста, потом рассказывал, что мы успели в самый раз – их ждали и подготовленным, плотным огнём не давали даже поднять головы. Что-то кричали – правда, называли восьмой ротой – видимо просто перепутали подразделения. Наш огонь с фланга оказался для них неожиданным. Противник поперхнулся, анализируя новые вводные, переключился на нас и дал возможность ребятам отойти. Потеряв одного раненого, который, не имея возможности отступить по зелёнке, вместе с тремя сопровождающими нырнул в высокую траву и

пополз по полю, группы Расписного и прикрытия возвращались на исходные.

Короткими перебежками мы отходили домой, разом останавливаясь и открывая шквальный огонь по противнику, пригибались и снова бежали по тропе, хоть и достаточно далеко от врага, но – как на ладони. Я, Шамай с СВД, Шахматист с РПГ и АК, Рус с бесполезным на таком расстоянии ПБС и УСами в магазине, молодой, недавно прибывший пулемётчик Ден с ПК, Лёха Злой и Беда с автоматами. Пролетел беспилотник, а рядом с укрепкой противника поднимались клубы чёрного дыма. Только потом мы узнали, что БПЛА был наш, а дымы – это попытки врага выкурить раненого с сопровождением, которые ползли по полю. На их счастье, ветер дул в обратную сторону и огонь не разгорался.

(фото из личного архива А. Доброго)

А потом в параллельной зелёнке, где отходила вторая группа, уже на нашей полосе минирования, мы услышали одиночный подрыв. Поднялся сизый дымок, а сердце сжалось.

Пять месяцев назад мы проверяли зелёнку, которая разделяла наши позиции с противником. Шли вчетвером: я впереди, через десять метров Кусок, ещё десять – Солдат, ещё десять – Муслим. Всё, как положено, спокойно и не торопясь. Старая растяжка МОН-50 провисла и лежала на земле. Мы втроём прошли над ней, не заметив, а когда я остановил группу и развернул домой, Муслим уже присел у куста,

придавив эту растяжку каблуком. Как положено, он прикрывал наш отход, пропуская одного за другим, а когда развернулся сам на том самом каблуке – прозвучал взрыв, бросивший нас всех на землю. Муслим погиб мгновенно – Царствие ему Небесное. Он лежал спокойный и повзрослевший, в одно мгновение ушедший в такие дали, что перехватило дыхание и обручем сдавило горло. Мы забрали оружие и раненого Костю, а за Димой Муслимом пошла группа, которая и обнаружила подробности трагедии. Ещё одна веха, куда возвращаешься постоянно. Ведь я остановил и развернул группу в тот самый момент, когда мой товарищ наступил на растяжку, даже не подозревая об этом – там, где прошли уже трое. И запах смерти я почувствовал ещё до того, как она пришла, внезапно натолкнувшись на невидимое препятствие – просто физически не мог идти дальше, тем более что задача была уже выполнена, следов противника не обнаружено. Минут пять я прислушивался больше к себе, чем к внешнему миру, оглянувшись на ребят – те сидели через каждые десять метров и терпеливо ждали. Я махнул в сторону дома и все согласилось, как показалось, с облегчением. Тогда я и развернул группу. А проходя мимо Димы, я ведь почувствовал беду – остановился, наклонился к нему, спросил, всё ли в порядке. Но мы уже возвращались домой по уже пройденной тропе, а мне не хватило опыта, когда предчувствие для разведчика часто важнее логики и знаний.

И вот такой знакомый подрыв на отходе нашей второй

группы.

Сухарь – молодой, угловатый и какой-то постоянно «контуженный» парень часто попадал в трагикомические ситуации. Утром две группы и он вместе со всеми прошли наши минные заграждения, переступая растяжки и обходя ловушки. После боя, на обратном пути все прошли мины без приключений и, даже Сухарь, замыкающий, переступил эту растяжку, но висевший сзади ПК был длиннее привычного автомата. Это уже не первая рубашка, в которой он родился – я даже не представляю объём работы его Ангела-Хранителя! МОН-50 была направлена вдоль тропы, в сторону противника, за спину этого «контуженного», но очень счастливого человека.

Вернувшись на опорный пункт, мы узнали краткие подробности боя и отхода второй группы, про ранение Максимуса. Про то, что ребята вчетвером, под слепым огнём противника, ползут через поле наискосок к ещё одной параллельной зелёнке, которая до сего момента была пустой. С нашей стороны уже вышли трое бойцов из резерва, в том числе двое именинников, которых обычно не привлекают на боевые в такой день. Но выбора не было – с противной стороны также выдвинулись на перехват. И надо было успеть забрать под себя как можно большую часть лесополосы, чтобы обеспечить выход раненого с сопровождением. Вдвоём с Шамаем мы заскочили в пикап местных разведчиков, которые с небольшим крюком помчались к той самой зелёнке прямо

по полю. Мы спрыгнули и поспешили на помощь вслед идущим впереди бойцам.

Дважды выходили в поле, возвращались, пока не догнали наших именинников. Стрелок, один из них, залез на дерево и всматривался в густую траву, второй именинник Гуга прикрывал его. Результатов никаких. Шамай в оптику высматривал противника вдоль нашей зелёнки, а мы с Альфонсо двинулись дальше, вплоть до поставленных ранее растяжек. Наверное, здесь и надо было остановиться, занять оборону, но мы не знали, где ползут наши товарищи и как далеко от противника они выйдут. Решение было принято – Альфонсо начал снимать «эфки» одну за другой, ну а я прикрывал его работу. Вот тогда-то я и получил свою пулю.

Сухой, резкий и очень близкий щелчок бича обжёг мне всю левую половину груди. В такие моменты ты и понимаешь, почему СВД зовут «плёткой». Я запустил руку под броник и с удивлением глядел на свои красные, горячие пальцы. Обернулся к Альфонсо – он лежал, смотрел на меня и настойчиво показывал, что надо отходить. Мы сами минировали этот открытый участок и сейчас, до спасительной зелёнки, было метров двадцать. Нельзя терять ни мгновения и мы вскочили – никогда так быстро не бегал! Второго выстрела не последовало – наверное, снайпер был уверен, что положил меня и, наверное, очень удивился, когда я побежал. Он попал точно в сердце, с достаточно близкого расстояния. Теперь уже мой Ангел-Хранитель демонстрировал невидан-

ные чудеса. Кто бы рассказал – не поверил!

При прямом попадании такая пуля должна была пробить и броник, но она попала в самый край, в самую изогнутую часть бронепластины – согнула её ещё больше, потеряла свою убойную силу и ушла чуть выше и чуть левее. Пластина и сейчас лежит у меня под иконами и спасибо большое снайперу, что он выстрелил так точно!

(фото из личного архива А. Доброго)

Я шёл сам, прижимая ИПП к груди, разорванный броник сполз вниз и я его придерживал второй рукой, автомат нёс Альфонсо. Несмотря на огонь противника, навстречу уже ехал пикап разведчиков. Я залез в кузов, Альфонсо давил мне на грудь, за руку держала Лель, наша военврач – помню её глаза, а в синем небе кружил ворон – такая поэтичная картина. До местной больницы доехали на ободах – колёса на пикапе были пробиты. В больнице хирурга не оказалось, своего транспорта тоже и меня повёз в Донецк простой мужик на своей личной машине – поклон ему земной! Привез в одну больницу, потом уже на скорой отправили в другую, стали делать рентген – вот тогда я и потерял сознание.

Как во сне, я наблюдал за людьми в белых халатах, за непонятной суетой медсестёр, за спокойными, точными движениями хирурга. Какое было блаженство, когда с меня, наконец, стянули берцы, штаны и носки. На пол посыпалась земля, ворох сухих, колючих и очень жарких семян и листьев. Мне оттягивали кожу, что-то вкалывали, что-то чистили, ковыряли в ране, снова чистили, объясняли мне, что пуля разлетелась на части и в ране у меня осколки её сердечника и оплётки, куски одежды, броника и много грязи. А потом стало легко и спокойно, ушло напряжение, пришли в порядок мысли и я уснул.

Разбудил меня голос Ириса, который монотонно и аргументировано, с привлечением крепких словечек, пояснял моему телу, почему я мудака и олень, а он не знает, чтобы со мной сделал, если бы пуля прошла на миллиметр левее... Наконец, я услышал, чем закончился тот день.

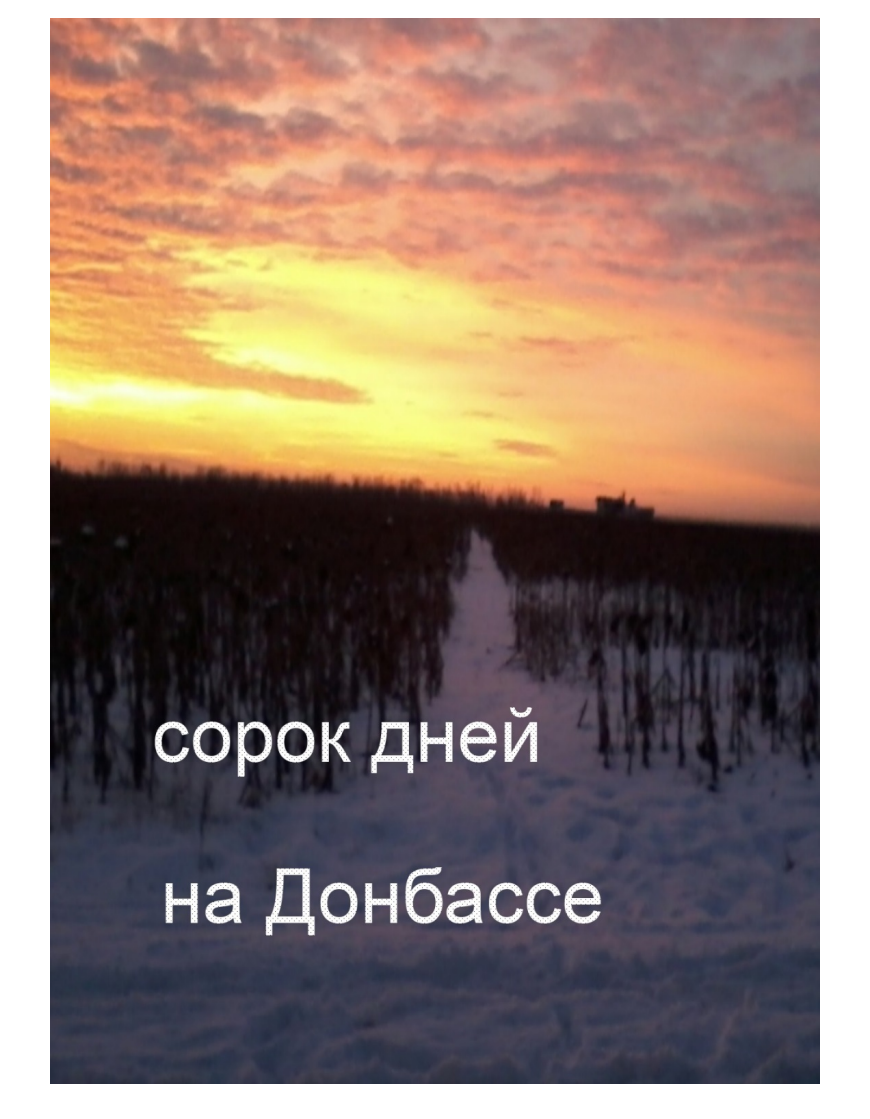
Ребята Максимуса благополучно вытащили, ему сделали операцию и он лежит в том же госпитале, на другом этаже. Шамай устроил дуэль с моим обидчиком, которого в результате забирала БМП под прикрытием дымовой завесы. Я не держал на него зла – дай Бог ему здоровья, если он выжил и упокоения, если погиб. На этом бой, который длился целый день, закончился. А Шамай, выиграв опасную дуэль, получил пулю в ногу на ровном месте. Но это совсем другая история.

Потом много чего еще было – весёлого и не очень. Война снайперов и ДРГ продолжается до сих пор, парни получают ранения и гибнут, несмотря на всё новые и многочисленные перемирия, несмотря на враньё политиков и телевизора.

Свои яркие, прекрасные холмы, полные ароматами молодых цветов и трав, полные пением птиц и манящего простора я, конечно, помню, но никогда больше не видел, даже во сне. Напротив, часто просыпаюсь от грохота взрывов, треска пулемётных очередей, снова переживая гибель товарищей – война просто так не отпускает. А по цветущим холмам сейчас идут мои друзья: Двойка (Максим Гулевский), Кош (Денис Спицын), Сульфат (Андрей Сулохин) и тот самый сапёр

Беда – Царствие им Небесное!

17 января 2021г

A photograph of a sunset over a snowy field. The sky is filled with orange and yellow clouds, with the sun low on the horizon. The foreground is a snowy field with dark reeds or grasses. In the distance, there are some buildings or structures silhouetted against the horizon.

сорок дней
на Донбассе

(фото из личного архива А. Доброго)

2. Сорок дней на Донбассе

(фото из личного архива А. Доброго)

Донецк провожал меня колючим, порывистым ветром. Снежная крупа обжигала руки, лицо, била по щекам, но я не замечал ее уколов – перед глазами, одним рядом, стояли события последних дней. Короткий отрезок моей Судьбы

стал поворотным моментом, навсегда изменившим её. Сорок дней – это много или мало? По мне, так целая жизнь!

В 2014 году я не помчался «с шашкой наголо» на Донбасс, хотя мои симпатии, естественно, были на стороне ополчения. Мне хотелось разобраться, что там происходит, самому, без телевизора. И мы с супругой дважды ездили в Донецк – не в воюющий Донецк, а в одноимённый город Ростовской области, на границе с ЛНР, в лагерь беженцев, чтобы поговорить с людьми, которые видели всё своими глазами. Сколько вранья было вокруг этих несчастных – что их машины ломаются от вывозимого добра. Я видел, как они приезжали в августе 14-ого, в разгар наступления украинской армии – в одних шортах и майках, с маленькими детьми, без смены белья, без продуктов, с которыми уже был огромный дефицит на Донбассе. С попутчиками, что подобрали по дороге и везли даже в багажниках, видимо, предварительно выгрузив оттуда свой нехитрый скарб. Но, самое страшное – это глаза! Глаза, безмерно уставшие, ошалевшие от увиденного и пережитого, в то же время, опустошённые – без веры, без надежды, смотрящие куда-то в прошлое и вглубь себя.

Мы собирали любую одежду у друзей и знакомых, покупали элементарные продукты и везли в лагерь беженцев, где принимали всё. Людей там кормили, кое-как одевали, за пару дней оформляли, собирали в группы и отправляли всё дальше и дальше от дома, по необъятным просторам нашей снова общей Родины.

«Аллах Акбар», – услышал я за спиной, вздрогнул и обернулся – передо мной стоял невысокий, худой кавказец с чёрными глазами и чёрной бородой, которая изображала подобие улыбки, больше похожей на волчий оскал. Его насмешливый и внимательный взгляд, как будто, говорил: «Ты хоть понял, куда попал?»

Я принял решение, что должен взять в руки оружие и ехать в Донецк, перед Новым Годом. И 10 января 2015-ого прибыл в расположение отряда «Суть Времени», батальона «Восток». Меня коротко спросили, что я умею, посмотрели, как обращаюсь с автоматом и уже на следующий день отправили в Донецкий аэропорт, в самую гущу грядущих событий. Такая торопливость объясняется тотальной нехваткой личного состава в рядах ополчения – на позициях было по три-четыре человека, люди почти не спали и очень редко бывали на базе, чтобы просто помыться и нормально поесть.

Когда мне говорят про кадровую российскую армию и «специально обученных людей», я просто пожимаю плечами – смеяться уже устал. За три года, что ездил на Донбасс – ни разу не видел. А «специально обученные» – в лучшем случае, служили «срочную» в Советской Армии. Перед тем, как принять окончательное решение, совершенно случайно, я познакомился с моим будущим другом и названным братом, у которого, так же случайно, оказался свой друг в отряде «Суть Времени». А так как случайности не случайны, я и стоял в посёлке Весёлое, у самого аэропорта, и смотрел в

глаза этому кавказцу.

(фото из личного архива А. Доброго)

Посёлок представлял собой удручающее зрелище – разбитые дома с пустыми глазницами окон, разваленные заборы, кирпичный и бытовой мусор, многочисленные воронки разных размеров и глубины, провалившиеся крыши, обрубки израненных деревьев и стаи брошенных, голодных собак, которые днём рыскали в поисках пропитания, а ночью охраня-

ли свои дома, ещё недавно полные жизни. Несколько стариков оставались тоже, упрямо возвращаясь, даже после настоящей эвакуации ввиду возможного прорыва танков противника. Мы делили с ними свой небогатый паёк, взамен нас одаривали вареньем и мёдом, необычайно вкусным, ещё пахнущим миром и счастьем.

«Пойдём обустроиваться», – сказал обладатель чёрной бороды. И мы пошли выбирать, более-менее уцелевший после ежедневных обстрелов, домик с крепким подвалом, где нам и предстояло жить сорок дней, которые я сам себе назначил. Зарплату мне никто не платил ни здесь, ни в России, поэтому надо будет вернуться домой, чтобы работать и кормить семью.

Пароль «Аллах Акбар – Воистину Акбар» ввели в обиход «спартанцы» и он стал своим родным для всех подразделений, так как чётко отражал «интернационал» ополчения. У нас сражались православные и мусульмане, иудеи и католики; испанцы, итальянцы, сербы, израильтяне, американцы и, конечно, русские всех постсоветских национальностей, включая грузин и украинцев. Беко – осетин, как и многие его земляки, приехал возвращать долг за помощь в августе 2008. Также объясняли свой порыв сербы и испанцы – кстати, на этой войне многие нации вспоминали свои старые счёты, поэтому на стороне ВСУ мы видели флаги Польши, Швеции, Грузии, Хорватии, Ичкерии и, конечно, США. Наши итальянцы и американцы на мой вопрос отвечали, что в

их странах фашизм уже победил и Донбасс – единственное место, где можно ему противостоять.

Поражала целостность людей, добровольно вставших на смерть за свою Землю, за свои идеалы, за Память предков. В основном это были взрослые, семейные мужики, повидавшие жизнь, но радовала и молодёжь, которая в мирное время казалась напрочь потерянной. Иногда противоположных – «красных» или «белых» взглядов – мы были в одном окопе, плечом к плечу, перед общей угрозой. И я видел, как война меняла людей, будто скульптор, убирая лишнюю шелуху, день за днём вытёсывая Суть.

Свой домик мы называли «Гаванью», а при смене жилья, он получил ещё более поэтичное имя «Старая Гавань». Жило нас в маленьком подвале от четырёх до семи человек. Мы его утеплили, поставили кровати, буржуйку, на которой разогревали банки тушёнки, правда не сильно, потому что «тушёнка» в горячем состоянии таяла, превращаясь в жижу. Изредка кто-то геройски варил суп или кашу, но это предприятие на нашей печке получалось очень и очень не быстрым.

Беко (рисунок А. Доброго)

Беко – удивительный человек. Казалось, он может достать всё – у него всегда был лишний магазин патронов или лишняя «гранатка», чем он, без раздумий, делился с нами. Этот осетин не раз бывал в местах «не столь отдаленных», характерно сидел на корточках, признавал только хозяйственное мыло, а говорил медленно и вдумчиво, как будто пробуя слова на вкус. Он очень легко находил нужные, волшебные выражения, чтобы любой человек подарил ему то, что понравилось. Будь то свитер, куртка, пистолет или нож – к последним Беко питал особую слабость. И это было как-то не обидно, потому что у него почти ничего и не задерживалось. Он всегда был готов снять с себя любую вещь, если кто-то, по его мнению, нуждался в ней больше. Однажды, после боевого выхода, он притащил в трофеях даже «Утёс». Всегда знал, где раздобыть еды, у кого взять патронов нужного калибра или разгрузку взамен порванной. И потому я не удивлялся, когда этот способный осетин, будучи в госпитале после контузии, доставал из-под матраса «лишний» автомат и просил поменять его на пулемёт.

Обстрелы увеличились по частоте и объёму, редкая тишина настораживала ещё больше – возрастал риск прорыва противника – движение техники на той стороне не прекращалось ни днём, ни ночью. Поэтому, когда домик начинал при-

вычно подпрыгивать от близких разрывов, нам становилось спокойнее, а Беко со словами: «наконец-то», поворачивался к стенке и начинал храпеть. Наш цокольный этаж создавал лишь иллюзию защищённости – помню, как на «Мельнице» мина по касательной выбила приличную дыру в бетоне на уровне головы, только что спящего рядом счастливчика, который за пару секунд до этого вдруг решил почесать пятки. Он отделался контузией и ранением спины.

Прилёт мины на «Мельницу» (фото из личного архива А.

Доброго)

Ещё один случай «счастливого спасения» произошёл перед моим приездом. Ребята, после боевых, сидели в «Домике Колючего», пили чай и смотрели в разбитое окно. Решали, кто же из них, наконец, забьёт его фанерой, потому что ощутимо сквозило, а температура не сильно отличалась от улицы. Как вдруг, 82-ая мина пробивает крышу и чудом вылетает в то самое окно – взрыв, ребята на полу, без чая, но живые! По этим причинам мы и поменяли места проживания, всё же озаботившись своей безопасностью и сохранением тепла.

Не всегда обстрелы заканчивались так просто. Среди ночи к нам прибежала пожилая женщина и, задыхаясь от волнения и страха, позвала на помощь к мужу, раненому очередной порцией украинских мин. Мы смогли вовремя доставить его в госпиталь, он выжил и, через месяц, вернулся к своей любимой, с которой бок о бок прожил не один десяток лет. А вот одну старушку спасти не успели – ребята вытащили её из-под завалов собственного дома, принесли к нам, мы перевязали, вкололи антишок, Пятница под обстрелом отвёз в больницу, но она всё равно погибла. А сын её, уже в годах, повредился умом. Мы наблюдали удары «Градами», «Ураганами» и тяжёлой артиллерией по жилым домам, что никак не могло быть «случайностью». Но, однажды, насчитали более восьмидесяти мин, выпущенных из Песок по нашему боло-

ту, которые с чваканьем шлёпались в жижу, не взрываясь – и это тоже не случайность.

12-ого января я уже вышел на позицию «Гараж» у взлётной полосы, напротив диспетчерской вышки, которую звали просто «Башня». Стояло условное перемирие, мы шли по дороге днём, не скрываясь. Сильное и странное впечатление было от вида чёрных, обмороженных подсолнухов на ярком, белоснежном поле. Там я и познакомился с Пятницей – мы разговаривали, вспоминали Питер, смотрели на достаточно близкие миномётные разрывы. Мне объясняли расположение наших и вражеских позиций, причудливо разбросанных по огромному взлётному полю, указывая вероятные направления ударов противника, учили слушать технику, узнавать выход различных калибров.

Закат над лётным полем (фото из личного архива А. Доброго)

К вечеру стрельба усилилась. Мы вышли прощаться – небо полыхало изумительными, сумасшедшими красками, что захватывало дух! Величественный закат, густой, багровый, растёкшийся, подобно стали под нависшими, тяжёлыми облаками, заснеженное поле с контрастом чёрных подсолнухов и близких разрывов, словно в замедленной съёмке, взлетающие комья земли, создавали поистине ошеломляю-

щую картину – хотелось протянуть руку, потрогать, не доверяя глазам! Природа, как будто, говорила с нами, восхищая своей мощью и великолепием, предупреждала... Этот закат сохранится в моей памяти до конца дней.

Под впечатлением, я с молодым бойцом отправился в обратный путь, на отдых, чтобы вернуться сюда уже ночью. По той же дороге нам в бок посыпались пулемётные очереди, запели пули, унося прочь от величия небес – мы упали, вжались в дорогу и оглянулись. Пятница что-то кричал, махал руками вправо, в подсолнухи, куда мы и нырнули, подгоняемые скорее удивлением, чем страхом. Уйдя метров на пятьдесят, благоразумно подождали – по нашему отходу накинули пару залпов «Васильком» – очень неприятная штука. И всё опять стихло.

Эту ночь мы с Белкой отстояли без приключений – меня определили вторым номером к его ПК. Я с интересом вглядывался в пустынное поле аэродрома, в громаду «Башни» напротив, слушал ночные перестрелки и скупые слова своего товарища о недавних событиях, которые так грубо изменили его жизнь. Женя из Славянска, там же вступил в ополчение. Рассказал, как стояли на блокпостах с одними палками, как начались настоящие боевые действия, потом пришлось оставить семью, порвать паспорт, выходя из окружения, был ранен, восстановился, перешёл в наш отряд. Несмотря на уже богатый опыт, о войне говорил неохотно. Суровые черты со сжатыми губами, казалось, были высечены из камня, всегда

сосредоточенный взгляд, неторопливые, точные движения. Терпеливо учил новичков обращаться с оружием, оборудовать позиции, сам нагружал себя работой, чтобы хоть на время отвлечься, заглушить тоску по дому.

Белка, Евгений Беляев (рисунок А. Доброго)

Мимо тяжело и бесшумно пролетела сова, охотясь на мышей. Взлетали ракеты, освещая настороженное безмолвие Аэропорта. Позиции врагов разделяло от трёхсот до шестисот метров – нервы натянуты струной, тревожное ожидание столкновения не отпускало ни днём, ни ночью. С обеих сторон были добровольцы – убеждённые и непримиримые, всегда готовые к бою. Я не беру в расчёт «статистов» из ВСУ, «наильно призванных» в зону АТО и даже не очень верю в наёмников – полагаю, что подавляющее большинство бойцов противника, именно в Аэропорту, были мотивированные, хорошо подготовленные, со своей «правдой». Мы их ненавидели, но отдавали должное стойкости и упорству таких, как тот украинский пулемётчик в Терминале, который предпочёл погибнуть, чем сдаться.

Семьи остались за линией фронта у многих наших ребят. Я пытался представить, что творится в душах моих товарищей, когда их долгий взгляд провожал, заходящее на западе, солнце. Мы подружились с Литейщиком – он очень интересно и живописно рассказывал о своей жизни «до и после», о своей семье, об Азовском море. Так вкусно передавал неповторимый хруст корочки именно южных чебуреков, что аж скулы сводило. Начитанный – легко и верно приводил аналогии из истории русского народа, вспоминал крылатые вы-

ражения наших прошлых противников, таких как Бисмарк и Наполеон. Был твёрдо уверен в грядущей победе, которую страстно желал, но не ждал так быстро – считал, что путь к ней будет долгим и трудным, а цена высокой. Как же он был прав!

После ночного дежурства легли отсыпаться, но вскоре нас разбудили громкие ликующие крики – наши танки, наконец, завалили «Башню», которая возвышалась над аэропортом, над окраинами Донецка и давала осязаемое преимущество врагу. У меня последние дни были насыщены такими яркими событиями и менялись так быстро, что напоминали калейдоскоп. А с этого дня у всех, без исключения, время пошло просто с бешеной скоростью.

Теперь «Башню» называли «Пеньком», в рядах ополчения царил возбуждение – казалось, что сейчас погоним врага прочь от Донецка всё дальше и дальше, стоящий неподвижно долгое время, фронт задышал, стал ломаться и поплыл. «Спартанцы» пошли на штурм Нового Терминала.

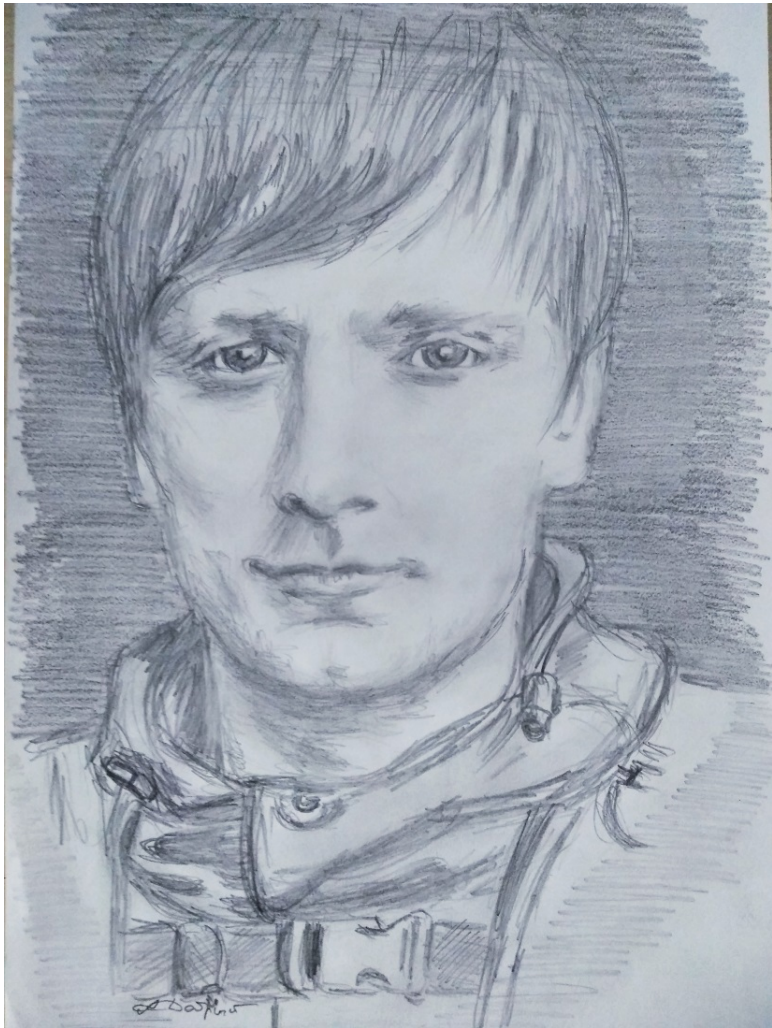
Каждый день происходили жаркие столкновения, всё говорило о близких и серьёзных переменах, а наш непосредственный командир заставляет нас делать окоп во второй линии обороны. Мы с Беко переглянулись, искренне не веря в целесообразность копания тяжёлой, мёрзлой земли так далеко от линии соприкосновения. Напрямую не отказывались, но и сильно себя не утруждали, тем более, что работали в перерывах между ночными и дневными дежурствами на «Га-

раже», где события развивались намного интереснее. Своё инженерное сооружение мы прозвали «Акопом». И вот, однажды, Ирис приехал, посмотрел на наши «труды», минуту подумал и сказал, что если копать не хотим, то можем собирать манатки и отправляться на базу – это была серьёзная угроза... С того момента «Акоп» стал намного быстрее приобретать нужную глубину и конфигурацию, а всего через пару дней он исполнил и своё предназначение.

АГС в «Акопе» (фото из личного архива А. Доброго)

16 января мы с Белкой заступили на дневное дежурство, пришёл Болгарин – наш журналист и фотограф – молодой парень с чистыми-лучистыми глазами, искренней улыбкой и романтической натурой – было странно видеть его здесь, в окопной грязи. Он абсолютно не вписывался в картину войны и этот диссонанс продолжался до тех пор, пока Игорь не начинал говорить. Спокойный, уверенный голос, очень здравые рассуждения и выводы, чёткая, продуманная позиция. Он по-хорошему удивил меня. Рассказывал о родном Донцке, о том, как всё начиналось и, как он, молодой «ботаник», впервые в жизни взял в руки оружие и учился владеть им. Стойкости и храбрости ему было не занимать – в ясных глазах светилась твёрдая воля и сжатая, как пружина, решимость идти до конца.

Болгарин, Игорь Юдин (рисунок А. Доброго)

В вечерних сумерках, как-то неожиданно вспыхнул бой. Противник, видимо, ползком, перебрасывал силы к «Пеньку», но был замечен. И тут вся взлётка запестрела яркими, многочисленными огоньками, засвистели пули, короткими перебежками бойцы занимали свои позиции, стреляя в ответ. Я в азарте выпустил два магазина, что на расстоянии шестисот метров было практически бесполезно, наконец, вспомнил, где должен быть, что я второй номер у Белки – побежал к нему и получил заслуженный выговор. Жена уже вставил вторую ленту и поливал БТР, который каким-то образом возник у «Пенька». Видно было, как пули рикошетят от брони, искрами разлетаясь веером вверх, подобно бенгальским огням. Заурчал КПВТ уже в нашу сторону, загудели стены от частых попаданий, крупный калибр тяжело буравил воздух, но страха не было – какое-то дикое, первобытное веселье наполняло мою сущность, пьяный восторг и нереальность происходящего туманили мозг, время летело быстрее пуль!

Тогда мы думали, что противник, таким образом, проводил ротацию, но он накапливал силы для решительного рывка. Чтобы атакой на Монастырь рассечь надвое оборону ополчения и последующими охватами – слева, с Песок и справа, через Спартак, взять нас в клещи.

Наступило 17 января – этот день навсегда перевернёт нашу жизнь.

«Мельница, Мельница – два танка идут на Гараж», – прозвучало по радиации. И началось... Пакеты Градов ложились один за другим, снаряды сыпались, как из рога изобилия, работали танки, миномёты – казалось всё, что было у противника, одновременно обрушилось на нас. Сквозь непрерывный грохот разрывов слышались пулемётные очереди со стороны общежития Иверского Монастыря, которое мы называли «Трёшкой». Оборону там держали восемь наших бойцов, во главе с девятым – Пятницей. Болгарин присоединился к ним накануне – днём ранее на этой позиции получили контузии два друга, Рим и Мир – пришлось срочно искать замену. Пятница, Болгарин, Щука, Морской, Фельдшер, Орион, Альфонсо, Спартак и Архангел первыми принимали бой!

Стрельба нарастала, словно снежный ком, стал понятен замысел противника, передали приказ идти на помощь к «Трёшке». Во всём посёлке остались не более пяти человек, в том числе Беко и Литейщик на «Акопе», Орех в «Гавани», а Контрабас с АГС на «Даче». Часть бойцов сражались на «Гараже» вместе с Ампером и его людьми, двенадцать остальных поспешили к Монастырю. Если бы укропы знали, что Весёлое практически беззащитно... Это уже потом я не раз видел, как в критические моменты людям будто надевают шоры и они, опираясь лбом в сопротивление, перестают

видеть фланги. Нас могли обойти слева, по краю посёлка или справа, со стороны пустой уже кочегарки, но военное счастье оставалось на нашей стороне.

Трёшка , Иверский монастырь (фото из личного архива А. Доброго)

Мы шли через такой плотный артиллерийский огонь, что ни до, ни после я подобного не видел. Противник переключился только на миномёты, когда их пехота уже закрепилась

за валом, метрах в шестидесяти от Монастыря – боялись задеть своих. Белка ушёл вперёд, пока мы с Литейщиком решали, что он должен остаться с Беко на позиции, Карандаш побежал в домик за РПГ и я вдруг оказался один. Утром я уже был на «Трёшке» и дорогу знал, но, когда уже был на подходе, к миномётам подключилось стрелковое из-за вала, а люди, бегущие впереди, уже не казались уверенно своими, потому что чья-то БМП сзади прижала их огнём к земле, как и меня самого. Все попрятались между могил кладбища – попробуй разберись, кто есть кто... Это был первый раз, когда я просмотрел перед глазами содержание своей, такой вдруг короткой, жизни. И опять, помню удивление, как основное чувство – и всё?!

Навстречу «Бэхе» встал и вышел один человек, стуча себя по шеврону. Я узнал Колючего – вздохнул с облегчением, узнали его и в БМП, развернулись и уехали, потому что расстреляли весь боезапас. Мы ругались, смеялись и занимали малые строения рядом с Монастырём, включаясь в бой, который разгорался всё жарче и жарче. Ребята сказали, что видели Белку, который прошёл на «Трёшку», даже не пригибаясь, на виду у противника, с белым, как мел, лицом.

Вместе с Колючим и ещё двумя бойцами мы заняли оборону в домике администрации рядом с церковью. Там уже были трое контуженых ребят с другого подразделения. Ирис с остальными оборонялись на ферме, чуть левее и ближе к валу.

Помню сумбур в голове и слепое ожесточение, боль в сжатых зубах и обжигающий ладони автомат, адреналин и внезапную усталость, которая давила на грудь, не давала дышать. Кто-то куда-то бежал, что-то приносил, потом стоял в ступоре, его толкали, обходили, тоже куда-то бежали... Патроны кончались быстро, мы менялись, забивали магазины, пихали по карманам, в разгрузку и снова стреляли, и снова менялись. Навалилась темнота, глаза резали близкие всполохи гранат, трассеров и рикошетов, отчего тьма становилась ещё более густой и вязкой, практически осязаемой. Монастырь держался, ребята перешли на первый этаж, чтобы их не могла достать своим огнём бронетехника. Казалось, весь огромный, живописный, прекрасный мир сузился до размеров сто на сто метров, где царил ад. Исчезли прошлое и будущее, остался только надрыв, который бывает доли секунды в жизни людей. Здесь же он длился бесконечно! Ждали решающей атаки – сто метров поля – это много или мало? Но они не решились!

Почти десять часов тяжелого, изматывающего, ближнего боя. Враг неохотно уходил, уползал, а мы, наконец, смогли добраться до заднего окна Монастыря, через которое принимали раненых товарищей. Помню, как на автоматах несли их, останавливаясь и спотыкаясь в темноте, на край кладбища, где стояли подошедшие танки, а те на броне везли их дальше, к легковым машинам, чтобы отправить в госпиталь. Пятница держал меня за «арафатку» ещё крепкой рукой, тя-

нулся к моему уху, говорил что-то очень важное, ценное, горячее, необходимое мне лично! До сих пор я чувствую его голос, вижу его глаза. Но там я не слышал ничего – в ушах звон колоколов, разрывающий надвое мой мозг, в котором зигзагами металась лишь одна мысль – донести бы! Я шептал ему в ответ что-то ободряющее, просил потерпеть, казалось, самое страшное уже позади... Мы возвращались, принимали своих погибших – Белку и Болгарина – снова несли их к танкам. И опять возвращались...

Нас поменяли. Мы забрали из Монастыря свои вещи, оружие, боеприпасы и сидели на куче битого кирпича, устало рассказывая: кто и где был, что видел, считали раненых и контуженых. Тут Ирису позвонили и сказали, что Пятница не доехал – Женя умер по дороге в госпиталь.

Пятница, Евгений Красношеин (рисунок А. Доброго)

Уже по рассказам я узнал, как раненый Пятница продолжал командовать боем – это его голос звучал в рации, подбадривал всех нас, как Болгарин с Альфонсо менялись у амбразуры, пока снаряд не пробил стену, перебив ноги Игорю, как потом тот истекал кровью – он был такой лёгкий, когда мы его несли. Про тяжёлое ранение Фельдшера, про спасительную работу АГС Контрабаса, как наш вечный «залётчик» Карандаш проявил храбрость наравне со всеми, а пойманные в посёлке мародёры-алкаши не разбежались, а помогали забивать АГС-ные ленты. Узнал, как геройски погиб Белка на крыльце Монастыря, успев поднять дух осаждённым – единственный, кто смог тогда пройти на «Трёшку». Уже дома я нашёл его фотографию в то утро, перед боем – яркие, солнечные лучи падали ему прямо на грудь, куда через пару часов и попали смертоносные пули.

Беко и Белка (фото из личного архива А. Доброго)

Потом много писали про этот бой, снимали фильмы и наши, и украинцы. Тогда мы и узнали, что атаковала нас шестая рота 93-ей бригады ВСУ, составленная из идейных и мотивированных бойцов «Правого сектора» и грузинских добровольцев, при поддержке двенадцати танков, которые работали по всем позициям ополчения, прикрывая эвакуацию из Терминала и атаку на шести БМП нашего Монастыря. Как они бахвалились перед камерами журналистов, ожи-

дая лёгкой победы. Обещали нас наказать – не получилось! Оставив часть оружия, кровавые бинты, броники и одного погибшего, забрав раненых и ещё двух убитых, бесславно откатились.

(фото из личного архива А. Доброго)

Украинская «Бэха» заблудилась на отходе, в темноте проскочив «Пенёк», пробила забор рядом с «Гаражом», попав под обстрел, повернула в сторону Донецка и, неожидан-

но для всех, выскочила в посёлке Веселое прямо на наш «Акоп», где её встретили пулемётным огнём Беко с Литейщиком. Экипаж благополучно загнал машину в болото, но сумел выбраться, отсиделся на дачах и ушёл к своим без потерь. Эту БМП мы вытаскивали потом танком и она ещё повоевала, но уже за нас.

(фото из личного архива А. Доброго)

Морозы спали, наступило время непролазной грязи. Бер-

цы с трудом отрывались от земли и, казалось, на каждом висело килограмм по десять. Нудный дождик заползал за шиворот, пропитывая одежду, которая не успевала сохнуть. Былой азарт сменила всепоглощающая усталость.

Отряд наш сильно поредел – трое погибших и двенадцать раненых. А у оставшихся как будто часть души отрезало. Но надо было включаться, нести службу, потому что ничего ещё не закончилось. Война шла размашисто, в полном объёме, со всеми видами тяжёлого вооружения, с танковыми атаками, прорывами, но, к счастью, уже без «договорных ротаций». Пришло необстрелянное пополнение, которое надо было обучать самым простым вещам. В первую очередь, как выжить на войне. Немногие могли выдержать противостояние с регулярной армией, даже с такой «развалиной», как украинская. Тяжёлые, ежедневные обстрелы быстро сметали всю романтику и люди, приехавшие добровольцами, за свои деньги, по разным причинам уезжали домой. Никто их не осуждал – каждый получил свой личный опыт, каждый понюхал свою порцию пороха – просто их время ещё не пришло.

Мы с Беко водили новеньких на дневные «экскурсии», ближе к взлётке, чтобы наглядно показать расположение сил вокруг аэропорта. Так и меня раньше вводили в курс дела Пятница, Белка и Болгарин.

Бывали и серьёзные случаи, и курьёзные. Помню, как Дёрганый – ох, уж этот выбор позывных – будучи на посту в

«Акопе», спрятался, буквально вжался в дно, испугавшись миномётного обстрела. Я его не сразу нашёл, а когда увидел, взял хороший ком земли и кинул сверху по каске, приводя в чувство. Потом терпеливо объяснял, что солдат на посту должен смотреть «в оба», потому что ДРГ намного хуже любого обстрела. А обстрелов хватало – на любой вкус и цвет! Однажды «Грады» застали меня в гараже с БК – ракеты ложились всё ближе и ближе, а к спасительному «Акопу» надо было бежать как раз навстречу приближающимся разрывам. Я оглянулся на ящики патронов, ПТУРЫ, гранаты – замер, как вкопанный! На счастье, противник выпустил только половину пакета – всего двадцать ракет, которые закончились прямо у ворот.

Помню, как мы, поддавшись панике, открыли заполошенную стрельбу по пустым домам на другом берегу реки, принимая за ответный огонь свои же рикошеты. И только выстрелы Ириса, со стороны нашего жилья, привели нас в чувство – благо, что он предусмотрительно спрятался, потому что горячие головы и туда стали стрелять, пока разум не вернулся на своё место. Однажды Турист, на полном серьёзе, собирался с РПГ встретить, возвращающийся с передовой, «сомалийский» танк, приняв его за чужой – еле успел его остановить!

Тем временем Беко добровольцем сходил в неудачную атаку на РЛС. Правда, сам он, как всегда, вернулся с добычей – крупнокалиберным пулемётом и с новой шуткой,

что этот пулемёт он лично, жилистыми руками, вытащил за ствол из вражеской бойницы. «Утёс» оказался из соседнего подразделения, что никак не умоляет храбрости нашего осетина.

Время шло к февральским Минским соглашениям, но накал боёв не ослабевал. Прямые атаки сменялись войной снайперов, артиллеристов, минёров и ДРГ. Приходили известия о трагической и необязательной гибели ребят от «дружественного огня», ошибок командования, как во время провального похода на Опытное «1-ой Славянской». Усиливались обстрелы пригородов и окраин Донецка, жаркие бои шли вокруг Дебальцево. Серьёзные, спланированные операции сменялись головотяпством и преступной халатностью с обеих сторон фронта. Люди устали, тупели от этого кошмара, сказывались кровопролитные январские потери, когда на смену опытным бойцам, приходили новые, порой морально неготовые к подобному накалу и ещё очень далёкие от дисциплины. Многие трагедии объяснялись до боли просто – напились «храброй воды», пошли в разведку. Поэтому у нас царил «сухой закон» без исключения и возражений. Боролсь с пагубной привычкой всеми доступными средствами – и холодным подвалом, и воспитательной каской, и исключением из отряда.

Даже без алкоголя, походы «в разведку», да и просто в сторону от натоптанных дорог, часто заканчивались печально. Можно было нарваться на свои же мины, бездумно рас-

ставленные безо всяких карт, попасть под огонь противника на незнакомой местности, самим наделать фатальных ошибок в критической ситуации. Ещё перед моим приездом, в первый раз идя на «Гараж», ребята попали под вражеский АГС, на ровном месте «потеряли» Альфонсо, потом лазили по грязи, искали, уже готовились к худшему – позиции противника совсем рядом, темнота кромешная... Когда он пришёл, то был похож на один большой кусок грязи – виднелись только глаза и белозубая улыбка.

Однажды и мы, четыре олуха – я, Беко, Литейщик, Контрабас – пошли «просто посмотреть». Проверить, что там показалось ночью у «Пенька», кого это мы обстреляли... Теперь обстреливали нас – свои же, из соседнего подразделения со спаренной «Дашки» калибра 12,7, от которой мы прятались за забором, больше похожим на швейцарский сыр. Быстро перебирая всеми конечностями, мы на карачках добрались до канавки – как нельзя вовремя, потому что «уважаемые партнёры» уже подключили к этому шухеру свои «Васильки», щедро сыпавшие 82-ые мины по всему нашему отходу. Обошлось!

(фото из личного архива А. Доброго)

Вот и прошло сорок дней, я снова был в холодном и безмолвном Донецке. Помню высокий, красивый Храм святых Петра и Февроньи за закрытым забором, колючий ветер, пустые улицы, редкие машины и, ещё более редких прохожих, девственно белый снег в парке Щербакова без единого человеческого следа, застывшие аттракционы, выбитые стёкла Донбасс арены. Помню глаза мальчишки на автовокзале, который спросил меня: «Дяденька, вы уезжаете?»

«Я вернусь, обязательно вернусь!»

Меня провожали мои друзья – Колючий, Орех, Марс и, конечно, Беко.

10 февраля 2021 года.

Горячая весна

2015 года

(фото из личного архива А. Доброго)

3. Горячая весна 2015 года

(фото из личного архива А. Доброго)

5D-кинотеатр во всём великолепии – пылающее солнце скатывается за горизонт под посёлок Опытное, мягкий ветер ласкает лицо, панорама на многие километры вокруг – красота! Жаль, что я единственный зритель на лучших местах – крыше трёхэтажного здания у самой линии соприкосновения. Наблюдательный пункт не самый удачный в смысле безопасности, но вид шикарный. «Звук вокруг» и полный «эф-

фект присутствия» – в ушах грандиозная музыка выстрелов и разрывов всех калибров, перед глазами бегущие пунктиры трассеров, сигнальные ракеты, взлетающие комья земли, над головой – вечный свод Небес с парящими облаками.

Где-то рядом цокают пули, выбивая фонтанчики из кирпичной стены здания, змеёй прошелестел извивающийся ПТУР – уже второй за день – противник знает, где я, но прицельной стрельбе мешают деревья, электрические опоры, стрела забытого крана. ПТУРам с украинской БМП у «Волчьего моста» приходится огибать копры «Бутовской» шахты – мы тоже знаем, откуда бьют. На близкие, открытые точки враг выходить уже не решается. Поэтому оператору опять не удаётся точное наведение. Позиционная война – всё подмечено и всё пристреляно, минимум мест, с которых можно работать и все, конечно, известны противной стороне. Бойцы уже давно относятся с философией и спокойным юмором к ужасной нереальности происходящего.

Со мной только рация и многочисленная аудитория наших и соседних позиций, миномётных батарей и КП «Профсоюз», через который я и транслирую свою передачу. Чувствую себя дирижёром необыкновенного и страшного оркестра в параллельной реальности, внимательно слежу, чтобы не фальшивили, выступали каждый в своё время и работали в такт с музыкой противника. Ежедневный смертельный Гимн Войне!

Я вернулся на Донбасс 12 апреля – в аккурат на Пасху. На-

ши уже были на других позициях – Промка у посёлка Спартак, справа от Аэропорта. После перелёта и поездки на перекладных жутко болела голова. Выпил цитрамон и лёг спать, тем более что забирать меня с базы должны лишь на следующий день.

Не прошло и часа, как толкают в бок – стоит Макс Резник – ухмыляется:

– С приездом, братан, нам пора. Ситуация изменилась.

Надо сказать, что ситуация менялась часто:

– Все, кто может держать оружие – на передок! С Песок прорыв!

Мы мчимся через Донецк по знакомым дорогам, поворачиваем на Стратонавтов и влетаем в посёлок Весёлое. Тормозим у «Гавани» – столько воспоминаний! Боль постепенно отпускает. Встречают Ирис с ребятами:

– Чего приехал?

– Я тоже рад вас видеть!

Занимаем обе стороны дороги – ждём. В кронах деревьев разрываются 30-мм ОФЗ с БМП-2, слышен АГС и стрелковое – в Жабуньках идёт бой. Донецкая весна в полном разгаре – яркое солнце, тёплый ветер, ароматные тюльпаны, за канавой фазан гуляет своих курочек. Удивительно, но живность вернулась в места, плотно насыщенные войной – зайцы и косули, великое множество птиц охотится на армию грызунов, даже рыбы, всплывающие кверху пузом в ставках после разрывов, очухавшись, опять уходят на глубину.

(фото из личного архива А. Доброго)

– Ты надолго?

– Как обычно, дней на сорок.

Где-то впереди нехотя затихает бой, противник отходит – товарищи справились без нас. Собираемся возвращаться к себе на Промку.

Потом я узнал, что в тот день, на Пасху, под вражеский ПТУР попали Шибя и Гром на одной из трёх легковых машин, что везли на передовую журналистов, куличи и поздравления – машина сгорела, оба бойца потеряли ноги, но смогли выбраться, перетянуться и выжить, а после протези-

рования, вернуться в строй. В такой-то день и такой «подарок» – с противной стороной расслабляться нельзя. Это всё, что нужно знать о христианской принадлежности наших полу-братьев – полукровок с полу-шведским флагом и полу-польским гимном. С этого дня и началось личное противостояние, своеобразная дуэль с ПТУРщиками ВСУ.

Шибя, Вольга и Гром. (фото из архива отряда «Суть Времени»)

Витя Контрабас хлопает по плечу – начинает делиться тем, что я пропустил. У нас потери – 18 февраля по дороге на Монастырь, при странных обстоятельствах, погибли Алис и Сыч – видимо «Ворота» на том Святом месте до сих пор

широко открыты! А месяц назад, уже на новых позициях, без согласования пошли в разведку Сухарь и Альпинист – всё закончилось печально. Укры АГС-ом загнали парней на минное поле – тела пришлось выменивать. Третий боец Леон – был ранен, но сам добрался до своих. Откуда мне было знать, что ещё через месяц я и сам окажусь в том же месте в схожей ситуации.

Начав с трагических событий, Контрабас постепенно переходит к пояснению наших новых задач, рассказывает, как за это время изменились, возмужали ребята – продолжают учиться, осваивать новую технику. Я спрашиваю про него самого – мой друг с АГС-ного «принеси-подай», как он раньше сам себя называл, за три месяца вырос до командира миномётной батареи, освоил 82-ые и 120-ые, даже «Ноны». Контрабас бодро жонглировал дикими для меня выражениями: перископическая буссоль, магнитные азимуты, дирекционные углы, компенсация параллакса.

Ранее совсем не военный человек с увлечением и горящими глазами читает уставы, цитирует целые абзацы, раскрывает их, поясняет, переносит на местный театр военных действий. Он вообще всё делает увлечённо – в его устах сухие и неинтересные наставления оживают, насыщаются красками и подробностями, другими словами, становятся жизненно необходимыми и актуальными, как и должно – преподавателей бывших не бывает!

Витя Контрабас (рисунок А. Доброго)

Меня скорым темпом вводили в курс дела. Съездили к другу Колючему – как реальное фортификационное искусство показали укреплённые и разветвлённые траншеи, которые назвали «Линией Колючего» – шахтёрская жилка во всей красе. Зашли на Промку – очень рад видеть старых товарищей: Морского, Щуку, Ирбиса, Ореха, Альфонсо. Крепко обнялись с Беко.

Отряд дополнили до размера роты – костяк оставался прежним, но я увидел и много новых лиц. Одни влились к нам надолго и основательно, другие были попутчиками на короткий период – мы сражались плечом к плечу, делили все тяготы и беды, но потом расходились по разным подразделениям. Кто-то приезжал, как я, кто-то уезжал – искал, где лучше. Тогда я впервые и увидел Шамая – весёлого, невысокого ростом снайпера с аккуратной бородкой и косматыми бровями – на ближайшие полгода наши судьбы очень плотно пересекутся. Зашли на «Клумбу» к Литейщику – обнялись тоже. Отметил у своих друзей новые морщины, радостные, но очень усталые глаза – война немилосердна.

Ирис грамотно, с учётом предыдущего опыта, расположил основные и запасные позиции с групповым оружием, обеспечив значительную глубину обороны с взаимной подстраховкой. Если бы не самостоятельные вылазки из укрепрайона, мы могли бы обойтись даже без раненых на этом эта-

пе. Ребята устроили вполне приличный и безопасный быт в непосредственной близости к противнику. Я реально порадовался проделанной работе. Потом Техас на гитаре сыграл своё новое Кантри про «Правый Сектор» (организация, запрещённая в РФ) с такой-то матерью. Скоро вечер – а вечером начинается «веселье».

Эту ночь я спал, как убитый, под пулемётные трели, гитара Техаса, миномётные и АГС-ные «ударные».

Начались боевые будни с ночными дежурствами на «Крыльях» – НП (наблюдательный пункт) справа и слева от основной позиции «Блесна», с чисткой оружия, вечерними перестрелками и новой чисткой. В свободное время ходил вперёд, где рота Грузина копала траншеи метрах в шестидесяти от противника. Рядом, под большим локомотивом была и наша крайняя точка с «Утёсом» – пару ночей подежурил и там вместе со Шмелём. Молодой, ретивый парень в голубом берете не давал скучать ни мне, ни украм. Побывал у Контрабаса – посмотрел, как Витя педантично и чётко расположил окопы со своими миномётами, отходные пути, маскировку, вешки для наведения... Он рассказывал – я слушал, кивал. Потом, увидев карты с цифровыми обозначениями позиций противника, спросил – кто его наводит. Контрабас говорит, что наблюдатель с «Палубы» даёт цели и корректирует огонь, – завтра пойду на «Палубу»!

На основной НП я попал через пару дней – видно всё на 360 градусов или почти всё. Правда и ты открыт всем вет-

рам и недругам – азарт и адреналин наперегонки побежали куда-то под горло, сердце вслед за ними – да, очень интересно! Отчётливо видно Опытное, РЛС, ВЧ ПВО, которое укры называют «Зенитом», сломанный «Волчий» мост, вентствол «Бутовки». Где-то здесь 22 января погибла колонна 1-ой Славянской. Заведовал на «Палубе» активный, бородатый мужичок Шум – хороший специалист, но оказался подверженным пагубному влиянию «зелёного змия». Очень подходящий позывной у этого персонажа.

Помню, как некоторое время спустя мы проводили масштабную имитацию наступления, чтобы отодвинуть излишне активные щупальца противника подальше от наших позиций. Мы готовили свою операцию со всеми видами приданого вооружения, с чётко расписанными целями и временем поражения этих целей, с участием соседних подразделений. Дирижировать и слаживать всё это должен был Шум, но вечером перед днём X – он пропал. Просто взял и пропал! Весь концерт трещал по швам, когда позвонил Марс с отдалённой позиции и спросил, не мой ли пьяный боец валяется прямо сейчас в его холодном тёмном подвале и готовится поехать на ещё более строгий подвал в Донецк, где практикуют «крайне усиленное» перевоспитание?

Не в первый раз наблюдаю, как перед решающим днём непонятные мне люди по непонятным мне причинам ныряют в алкоголь. Поехал к Марсу, дал ему весь расклад, что это бесчувственное тело действительно мне нужно завтра утром,

и я найду, как его оживить. По старой дружбе, но качая недоверчиво головой, Марс внял моим доводам и отдал это «сокровище». Холодная вода, проникновенно внятная беседа, снова холодная вода и ночь в подвале вернули бойца в строй как раз к началу. В целом у нас всё получилось и мы наблюдали поспешный и сумбурный отход любителей «жабьих прыжков» (так ВСУ называли свои захваты новых позиций в серой зоне, всё ближе и ближе к нашей линии обороны) обратно в свои укрепления на ВЧ и шахту.

Одной из причин этой, не слишком согласованной с командованием, операции послужил недавний подрыв наших бойцов на растяжке. В поисках лучших позиций Шмель и Бурят в сопровождении местного молодого казака прошли по земле соседнего подразделения. Видимо, укровские разведчики заметили их и поставили на тропе «Эфку». На следующий день пошли всё те же и Литейщик. Сильнее всех пострадал казачок, что шёл первым, Шмель и Литейщик тоже попали в госпиталь, причём крайний – весьма надолго. Один опытный и везучий Бурят, услышав щелчок, успел присесть и был как огурчик. Приехал Ирис разбираться, кто и какого хрена отпустил Литейщика – ранения подчинённых для командира всегда неприятны и болезненны, а тут ещё пришлось срочно готовить ему замену. Назревал скандал с жёсткими санкциями к Ирбису, старшему на позиции. Пришлось всё брать на себя – мол, это я отпустил. Ирис долго и пристально смотрел мне в глаза:

– Чтобы завтра я тебя не видел! Едешь домой!

Домой я не поехал. Зато мы здорово и надолго шуганули противника с миномётов, АГС, «Утёсов», БМП, СПГ, ПТУР и стрелкового. Соседи с удовольствием подключились. А я вытащив Шума из под ареста (за что он был благодарен), занялся сам его работой вплоть до нашего ухода в другое подразделение.

Разброд и шатание, присущие ополчению, ставили его в невыгодном свете перед регулярной армией с жёсткой дисциплиной и субординацией. Тот, кто искал приключения, – обязательно находил их, расплачиваясь порой здоровьем и даже жизнью. Но именно инициатива каждого конкретного бойца ополчения, его старание и самоотдача не за страх, а за совесть, постоянный недосып, работа через «не могу» и позволяли нам сдерживать регулярную украинскую армию с гораздо большей численностью и лучшим вооружением, с танками, артиллерией и авиацией, с незамаскированной помощью коллективного Запада. Не только сдерживать, но и бить их! Именно поэтому, чтобы оправдать свои неудачи и страх, щирые «воины света» и придумывали легенды о российском спецназе, полчищах чеченцев и конных-бронетанковых бурятах. Даже позорные договорные ротации с досмотром не могли поколебать веру «доблестных киборгов» в свои же выдумки.

Такого я и не вспомню за всю историю войн! ВСУшники следовали на смену своих уставших и притихших товарищей

в Аэропорт через блокпосты ополчения, предоставляя к дозору свои вещи, боеприпасы, продовольствие. Противники, обычно смотрящие друг на друга в прицел, стояли в своеобразных позах «гражданин – полицейский», вполне мирно беседуя. Потом эти доморощенные «киборги» меняли своих ротируемых. А после отъезда последних, «войнушка» возобновлялась с прежней силой. Эти «договорняки» и позволили украинцам держаться так долго в Аэропорту, каждый день унося жизни бойцов с обеих сторон.

У нас действительно был один бурят, правда, не конный – он своими ножками скакал по крышам, чтобы навести шороху в стане врага. Отличный охотник с чутким слухом, но перед стрельбой он цеплял на свой курносый маленький нос большие очки – возраст брал своё. Каждый делал, что мог, – каждый выкладывался на все сто! А других у нас и не было – настоящие мужики, добровольцы, чётко понимающие, что они делают, для чего и чем может обернуться их героическая инициатива.

Мы с Каюмом (нашим оператором ПТУР) и везучим Бурятом бегали по всей Промке, часто по разбитым кромкам и карнизам, в поисках новых мест для НП и пуска ракет. Поднимаясь на «Старую Палубу», которая была ещё ближе к противнику, мы стояли пять-семь минут на лестницах между этажами, в ожидании скорого прилета вражеского ПТУРа по крыше, что случалось совсем не редко – глаза повсюду. Однажды Интеллигент у пробитой в стене дыры с биноклем

выискивал цели на ВЧ – видимо, блеснул окулярами. Прилетел ПТУР метра на два левее, пробил бетон и взорвался. Каким-то чудом Интеллигент отделался лишь контузией – говорит, сзади за жопу что-то приподняло и чуть наружу через дыру не вытряхнуло.

Со «Старой палубой» много рискованного веселья связано – слишком уж близко она была к противнику и выделялась очень, пару раз и я там под прицельный огонь попадал. Наши парни тоже тут работали – вот и Шамай продолжал свою снайперскую дуэль. Он часами лежал на крыше или у многочисленных пробоин – высматривал. Но однажды проморгал – на «Блесне» был. С украинской стороны отработали по бойницам, Шамай бегом на «Палубу». Дальше я постараюсь сохранить его лексику:

– Забегаю на второй этаж, к своей «лёжке», а там слева пулемёт и впереди там, ... стоит америкос, ... Техас наш и второй испаньола – не помню, как его (в нашем отряде действительно были испанцы и американец), рты открыли и не на шутку собираются куда-то огонь открывать. А я, ... и свой-то язык не знаю толком! И как мне им сказать, чтобы ... уматывали, потому что мне срочно работать надо?

Я его спрашиваю, чего на «Новую палубу» не побежал? Шамай, без тени улыбки, отвечает:

– Не люблю я на «Новую» ходить. Помню, там один раз связь пропала (а нас предупреждали – нет связи, позиция считается захваченной). Ирис, не разобравшись, вытащил

гранатомёт и вдарил ... прямо по нам, потом ещё ... всех, на «Блесну» вытянул и отжиматься заставил, ...! Ему говорят, связь ... а ему до ...!

Шамай (рисунок А. Доброго)

Но вернусь к ПТУРАм. Чтобы отправить ракету на цель, надо найти не только эту цель, а прежде всего место для выстрела. Ничего не должно мешать проводу управления, который тянется за ракетой во время полёта, поэтому выстрел приходилось производить с точки, где ты видишь всё, но и все видят тебя.

8-12 секунд лёта снаряда тащились бесконечно долго – я вообще не знал, что время бывает таким вязким и тягучим – пот градом заливает глаза, от напряжения и стресса теряешь по 1,5-2 килограмма за выстрел, ожидая возможной «ответки». Потом со скоростью звука сворачиваешь установку и бежишь с крыши в подвал, перепрыгивая ступеньки. И это не считая оглушительного удара по ушам, сопоставимого с выстрелом из пушки, которую ты вынужденно «обнимаешь», держа управление двумя руками.

Иногда ракета выходила, но маршевые двигатели не срабатывали, и она метров через тридцать взрывалась. Поэтому запускать её через головы товарищей было рискованно, но и сзади находиться опасно. Бывает, что ракета вообще не выходит – жужжит так противно, надо время выждать, а Ганс с непривычки испугался и решил сзади пробежать на выход – тот пуск на крыше был. Вот она подождала и вышла, как раз когда Ганс пробежал – реактивные газы его в бордюр впечатали, хорошо, что бордюр высокий был! А так – три этажа

лететь...

Далеко не всегда мы достигали цели. Однажды Буржуй высмотрел с «Профсоюза» два силуэта бронетехники противника на расстоянии примерно трёх километров. Каюм выпустил две ракеты, я смотрел в бинокль – обе не дошли около ста – ста пятидесяти метров. После разрывов те экипажи, нагло засунув руки в карманы, вышли посмотреть на наши старания. Возможно, более крупная, но неясная цель была передвигной РЛС в сопровождении чётко видимой БМП, возможно, среди экипажа находился очень хороший человек – будущий композитор или писатель, потому Всевышний и отвёл от него такую серьёзную угрозу. На этот раз мы спускались медленно и задумчиво.

На самом деле и подходящих крыш-то было немного. Пришлось даже работать с технических авиационных стремянок на голом, как бильярдный шар, лётном поле рядом с «кладбищем самолётов» с прекрасным видом на противника и сногшибательной, гулкой акустикой на многие километры – поистине незабываемые впечатления!

(фото из личного архива А. Доброго)

Наша активность постепенно приносила результаты – вражеские ПТУРщики и бронетехника стали очень «стесняться» показываться в поле зрения.

Я возвращался в расположение отряда, когда увидел в боксах возле «Блесны» белый и на удивление чистый «бусик». Рядом стояли незнакомые бойцы, разговаривали с нашими. Я подошёл. Так мы и познакомились с весёлыми ребятами из СОБРа – потом не раз работали вместе. Старшим у них Валера Старый – высокий, улыбчивый мужик, с которым мы сразу нашли общий язык и легко сдружились. Они на время оставили нам ПТРС 43-ого года выпуска с патрона-

ми 14.5. Мы сразу прозвали эту неприхотливую и надёжную машинку «Дедушкин пистолет», и Бурят теперь таскался с ней по своим крышам, чтобы «кошмарить укропа». Лучшей антиснайперской игрушки нельзя было и придумать – очень неудобно высматривать цель, когда рядом прицельно буравит воздух более крупный калибр.

(фото из личного архива А. Доброго)

Собровцы приезжали группой поработать – получалось неплохо, за исключением одного случая, когда мы по ошибке «дружественно» накрыли позиции соседнего подразделения. По полю между нами украинский снайпер выползал –

молодец, конечно, – и работал по нам. Мы решили – из-под моста бьёт – и насыпали АГС-ом. К сожалению, такое тоже случилось в этой треклятой войне – ещё раз приношу извинения ребятам Креста, благо обошлись только ранеными.

Иногда наши новые друзья приезжали вдвоём – Валера Старый и Серёжа Грек – попить чайку, повспоминать былую мирную жизнь. Воевали они тоже с 14-ого, с самого начала – рассказывали о родном Докучаевске, как город был под оккупацией, как освобождали его. Правда, многострадальный Докуч и сейчас находится под «Дамокловым мечом» возможного удара и постоянных обстрелов. Порой и я ходил к ним в гости – эта дружба помогала боевому слаживанию подразделений по всей линии фронта на низовом уровне, который значительно быстрее и оперативнее долгих запросов через штаб.

Валера Старый погибнет 9 июля 2015 года – светлая ему память! Я был тогда очень далеко и ничем не мог помочь другу, истекавшему кровью так близко от того места, где мы познакомились. Он звонил мне тем летом – я не помню точной даты. Узнав, что я далеко, он положил трубку. До сих пор думаю – не тот ли это был день... О его гибели я узнаю только через две недели.

Валера Старый (рисунок А. Доброго))

К Колючему, прямо на передний край, приехал автор-исполнитель душевных, лирических романсов о любви, войне и Донеце – Володя Пшеничный. Сам с уральского шахтёрского городка, он буквально переродился и стал настоящим дончанином, как и многие из нас, полюбив этот прекрасный, мужественный город с миллионом роз и героическими жителями, сразу и навсегда! Он пел простые, такие искренние и нужные каждому слова, играя на звонких струнах наших душ и своей гитары. Володя стал частым, желанным гостем и другом батальона «Хан», куда мы перешли в мае месяце. Спасибо, брат, за твои песни! Как неохота возвращаться в тяжёлый душный мир войны!

День Победы мы встречали светлым, солнечным утром задорно и громко, с салютом и песнями, стрельбой в воздух и искренними поздравлениями. Как никогда, мы чувствовали этот праздник, чувствовали наших дедов и прадедов – как никогда, мы понимали, через какие испытания они прошли – весь наш Великий Народ! Как важен этот День и тогда, и сейчас! Противник же, отказавшись от своей истории, от крови своих предков, говорящий на том же русском языке, но струсив и предав себя в 2014 году, сидел молча и жалко в своих окопах, наблюдая за нашим торжеством! Какие из ваших выдуманных праздников могут сравниться с 9 Мая?!

Мы передавали позиции ребятам Перевозчика. Добро-

вольческая вольница ополчения окончательно уходила в прошлое – строилась регулярная армия. Половина отряда переходила в батальон «Хан», остальные расходились по другим подразделениям или уезжали домой... Общее фото на память и недолгое прощание. В расположение уехали и «хановские», а я остался на неделю – передавать дела на своём посту. Вот тогда и случилось очередное обострение – противник, несомненно, узнал о ротации и решил проверить новый и ещё не полный гарнизон. Становилось жарко – 5D-кинотеатр поражал своей дикой реалистичностью, пришлось вызывать помощь, благо на миномётах ещё оставался Контрабас. Слышу по рации знакомый голос:

– «Профсоюз» – Контрабасу! Как там у «Палубы» дела? Может, подсобить?

– Рад тебя слышать, братик!

Пошла долгожданная «ответка»:

– Ну что, брат, давай насыплем напоследок...

С базы, узнав о моих трудностях, вернулись парни, которые уже отмечали окончание своего очередного боевого этапа, – это дорогого стоит! Каюм сказал, что приехали только из-за меня. Укров успокоили – всё встало на свои места.

15 мая от «Хана» приехала группа Муслима провести рядовую, в сущности, разведку. Я ввёл их в курс дела, поднялись на «Палубу», обсудили задачи и весь завтрашний путь. Муслим молодой, перспективный парень, которому всё интересно и нужно. Он всю ночь не спал, колобродил и нерв-

ничал. Рано утром 16-ого вышли – я первый, следом Солдат, Кусок и Муслим замыкающим. Снайпера прикрывали со «Старой Палубы» и «Блесны», ещё группа ждала на выходе. Спокойно дошли, встали, развернулись, стали отходить – задачу выполнили.

Неприятное чувство пришло неожиданно и мерзко – запах Смерти ни с чем не спутаешь. Невидимая преграда физически давила на грудь – не могу по-другому объяснить свои ощущения – я и сейчас всё чётко вижу и чувствую! Где-то впереди по этой зелёнке погибли Сухарь и Альпинист – хорошо, что нам туда не надо. Мне показалось, все с облегчением смотрели на мой жест – возвращаемся!

Да вот только Муслим уже придавил каблуком ту несчастную, старую, упавшую растяжку на МОН-50, через которую мы втроём прошли, не заметив, туда и обратно. Я помню его сосредоточенный взгляд, тихий голос, простые слова, что всё в порядке – пропустив нас, он развернулся...

Костя Кусок ранен в колено – быстро накладываю жгут, вколол антишок. Солдат держит под прицелом зелёнку за спиной. Я вернулся к Муслиму – попробовал тащить, но одному не справиться, – повернул на спину, заглянул в глаза, которые смотрели так далеко, что мороз по коже. Забрал пробитое насквозь оружие и рацию – передал Солдату. Перекинул Костину руку через плечо, Солдат замыкает в прикрытии – противник рядом, а хлопок от взрыва приличный. Доковыляли до своих. Бегом на «Блесну» за машиной – ра-

неного отправили в госпиталь. Доложили в батальон – а душу на части рвёт! Приехал Хан со второй группой, прошли по соседям, договорились о прикрытии миномётами, я на «Палубу» – рация до боли зажата в кулаке – как же я не доглядел! Вместе с командиром ждём... Группа медленно пошла за Муслимом – ребята забрали его, тихо вышли.

Заканчивается мой второй этап с горьким опытом. Бесконечная Война продолжается, собирая свою ежедневную, страшную жатву с обеих сторон фронта.

(фото из личного архива А. Доброго)

17 марта 2021 года.

З л о й

и Д о б р ы й

(фото из личного архива А. Доброго)

4. Злой и Добрый

(фото из архива отряда «Суть Времени»)

Лето 14-ого было жарким во всех отношениях. Украинская армия наступала, сжимая кольцо на шее Донца, стараясь отрезать от Луганска и границы с Россией. Хаотичные бои шли по всему фронту, больше похожему на лоскутное одеяло. Можно было легко попасть на чужую сторону, как случилось у Пятницы по дороге в Донецк – благо, сумел вовремя вернуться. Противостояние ещё только подходило к

крайнему ожесточению – с каждой новой смертью, с каждым новым ударом, заходя всё глубже в кровавый и долгий тупик Войны.

Высоко над головой с рёвом пронеслись самолёты, держа курс на восток. «Пошли бомбить Торез или Снежное», – зло сказал Памир, плюнув им вслед. Плавился асфальт и плавись мозги в этой допотопной каске – как наши деды в них воевали? Во рту пересохло – от запаха палёной травы першило в горле, резало глаза и хотелось спать. Артиллерийская канонада не прекращалась, с каждым днём приближаясь к городу. Скорей бы – ожидание хуже смерти! Страх неизбежного столкновения притупился, но мандраж продолжал колотить сердце.

Энтузиазм вроде никуда не делся – значит, поступил правильно! Бросив всё в родном городе, который вдруг стал чужим и враждебным, с бывшими знакомыми, внезапно воспылавшими любовью к Бандере, с государством, которое теперь пишу с маленькой буквы, я вовремя и на удивление легко проехал через блокпосты в Донецк. Встречал меня свежий ветер, яркое солнце и улыбающийся Игорь Болгарин. Увидев открытые, приветливые лица людей, почувствовал себя дома – теперь могу дышать полной грудью, могу выпрямиться и расправить плечи. Странно – я и не замечал, как согнули меня последние месяцы безумной пляски целой страны. Как это произошло?

События развивались быстро – после решения ехать на

Донбасс, встречи с единомышленниками, которых так не хватало, первых тренировок, воздушных тревог и гула приближающегося фронта я переоценил очень многие понятия прошлой жизни. Теперь точно знаю, что война – это не кино, где наши и немцы, где всегда идёт бой и кричат «Ура!», красиво стреляют и красиво умирают. Ничего красивого там нет! А коллективное понятие «немцы» включает в себя всю Европу с испанцами, чехами, венграми и словаками, хорватами и румынами, бельгийцами, французами и итальянцами – устанешь перечислять. Но страшнее оккупантов были предатели и каратели с прибалтийских государств и «братской» Украины, разделившейся как раз надвое, подобно жовто-блакитному прапору! Ничего нового – так было и при Наполеоне, и при Карле XII. А «Содом и Гоморра» – не библейские предания, а данность почти половины мира! И фашизм никуда не делся – он не просто вернулся на свою родину, в Европу, но победил и уже готов снять маски «демократии» и «свободы слова» – а имя ему «сатанизм»! В 90-ые мы не просто разделились, а были наголову разбиты в «холодной» войне под руководством бездарного, преступного лидера и несём миллионные «горячие» потери до сих пор, и платим бесконечную дань до сих пор! Это нас, бывших братьев, столкнули лбами, как сто лет назад в кошмаре гражданской войны! А в Беловежской Пуще собрались три вора, поделив «не своё» и сразу доложив итоги «пахану» за океаном – такую страну развалили! И тысячелетиями Пути у нас

всего два – или на Смуту с удельными междоусобицами, или на полное единство, подобно ртути, как говорил наш враг Бисмарк!

А ещё война – это тяжёлый и грязный труд с бесконечными переходами и такими же бесконечными окопами, траншеями и капонирами, которые надо копать вновь и вновь. И отложить эту работу на потом, на завтра – не получится, потому что первый же миномётный обстрел заставит тебя вжиться в землю, судорожно орудуя лопатой между разрывами. А выданный с консервации ржавый автомат, который ты нехотя разбирал, чтобы почистить, с непривычки обдирая костяшки пальцев о железо, – оказывается твой самый верный и надёжный друг.

Пятница (фото из архива отряда «Суть Времени»)

Как правы были Вольга с Ирисом, как прав был молодой Пятница, любовно трогая каждую деталь оружия, вживаясь в него, показывая нам простую разборку-сборку, словно некое таинство. А потом вскидывая под прицел, как продолжение рук, как часть себя!

Вольга (фото из архива отряда «Суть Времени»)

Копать мы начали ещё на базе – Вольга придумал психологический тест. Мы нарыли себе «могил» и по очереди ложились туда с трубкой во рту. Заботливые товарищи, с шутками и прибаутками, накидывали сверху сантиметров тридцать земли и оставляли отдыхать. Первыми пошли Фельдшер, Ирбис и сам Пятница, следом Газетчик и остальные. Умом ты понимал, что тебя, конечно, вытащат, но время тянулось бесконечно, невозможность двинуть рукой или ногой вызывала лёгкий дискомфорт, переходящий в тревогу, которую потом ты старательно скрывал.

Но лучезарные улыбки облегчения скрыть было невозможно – мир широкими объятиями встречал твоё возвращение, взор становился глубже и чище, свет ярче, пение птиц звонче, а запахи трав сочными и вдохновляющими – лучше Пятницы об этом и не скажешь!

Пятница (рисунок А. Доброго)

Поселили нас в автомобильном боксе с ароматом плесени и машинного масла. Спали на снаряжных ящиках, работали на кухне – чистили картошку и грязные кастрюли, мыли посуду. Казалось бы, странные и неоднозначные перемены в жизни – но ты, как никогда, живой и настоящий, готов терпеть с воодушевлением и предвкушением перемен, чувствуя себя частью большого и важного исторического действия, которое прямо здесь, на твоих глазах ломает ложные границы, лицемерные договоры и возвращает тебе Надежду!

Мы были уверены, что наш командир Вольга может всё! По крайней мере – искренне в это верили.

Вольга (рисунок А. Доброго)

Он мотался за «ленточку», по единственно оставшейся дороге через Дебальцево и Луганск на Изварино, часто под обстрелами, и привозил берцы и экипировку, продукты и гуманитарку для детей-сирот и беженцев, которую собирали ребята из «Сути Времени», а главное – Веру в то, что мы не одни. Наконец, достал и первое боевое оружие – автоматы (по одному на троих) и снайперскую винтовку. Договорился о создании БГ – боевой группы, куда мы вошли, начиная изнурительные, но такие долгожданные тренировки.

(фото из архива отряда «Суть Времени»)

Вольга успевал везде – мы получили свою базу в недавно освобождённой Ясиноватой. Был организован информцентр и агитбригада – каждый чувствовал нужным и себя, и своего товарища. Незабываемое время – мы притирались друг к другу, складывались в команду, становились единым, сжатым ядром, вокруг которого уже можно собирать боевое подразделение!

Сдружился с Марсом, Газетчиком, Петькой и Контрабасом. В военном деле мы все были полные «валенки». Помню, как Ирис спросил – каким оружием я владею? Услышав: «Автомат», – выругался: «Ещё один долбанный автоматчик!»

Белка (фото из архива отряда «Суть Времени»)

В отряд пришёл Белка, ополченец из Славянска, который уже участвовал, уже был ранен. Он разительно отличался от нас всех и по понятиям, и по взгляду – спокойному и глубокому. Вторил Ирису, что необходимо изучать групповое оружие, чем больше – тем лучше. Как я теперь ценю безграничное терпение наших командиров, шаг за шагом прибавлявших к нашему голому энтузиазму знания и умение. Вскоре после создания БГ, нас стали учить держаться на броне и десантироваться с танков. Ситуация на фронте значительно улучшалась – украинские «воины света» барахтались в многочисленных котлах, пришла и нам пора участвовать в наступлении.

Сентябрьское солнце щедро поило теплом наши души и сердца. Могучая машина дёрнулась – мы схватились за броню, друг за друга и рассмеялись своему испугу.

Дядька Лом – такой большой и взрослый – по-мальчишески широко улыбался, торжественно оглядывая нас по очереди. словно волшебную музыку, он внимательно слушал рычащий боевой механизм под собой – что-то напевал ему в такт. Нас придали к «семьдесят двойкам» Панциря десантом и боевым охранением. С восторгом подставляя лица упругому встречному ветру, не замечая пыли и тряски, мы, наконец, двигались вперёд – освобождать сёла по дороге на Горловку.

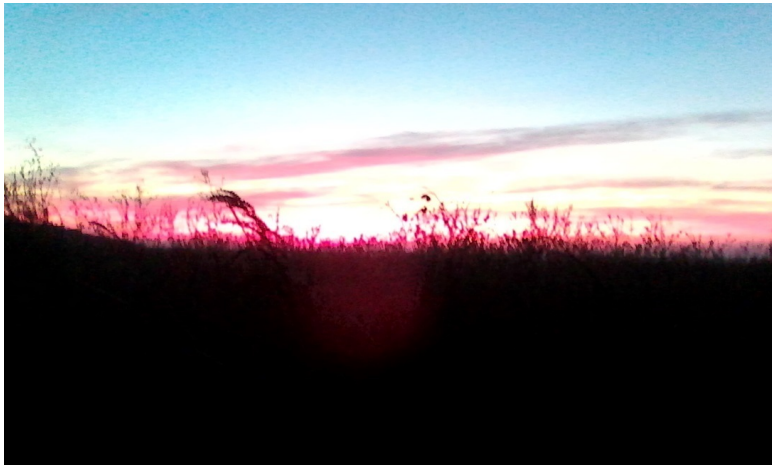
Первые «Грады» легли, как только мы вышли за Ясиновку. Незабываемые ощущения – чувствуешь себя бабочкой на гербарии, где все листики уже приколоты и какой-то школяр полон решимости приколоть между ними твои «крылышки» для композиции. Сначала ты сидишь, вцепившись в танк, замороженно глядя на приближающиеся разрывы, а потом не понимаешь, как оказался на земле – в ней, родимой, ища укрытие.

Как-то буднично, выстрел за выстрелом – по нарастающей – разгорелся бой. Пока ты пытался сообразить, что происходит и что надо делать конкретно тебе, стрельба уже пошла на убыль, слышались ликующие крики, заиграли улыбки, все хлопали друг друга по плечу – поздравляли, а ты всё так же недоумённо смотрел по сторонам. Опять залезли на броню

– едем – у дамбы мимо нас проплывает горящая «шишига» и две украинские БМП с откинутыми люками, из одной чадит, вторую просто бросили при отступлении. Как всё произошло, ты, конечно, не понял, но, считай – поучаствовал!

В районе Васильевки отцы-командиры собрались на совещание, достали карты, стали оглядываться и жестикулировать – напрашивался известный вывод – сейчас будут дорогу спрашивать. Тут же снова попали под «Грады» и миномёты. Танки ушли выполнять свою задачу, а мы перебежками достигли оврага – залегли там. Сбоку Литейщик, крутим головами – всё интересно. Из-за линии фронта вышли разведчики, пошли к командованию – докладывать. Впечатлений столько, что мозги не справляются – наблюдаешь за происходящим, как на убыстренном просмотре.

Вскоре нас подняли, развернули в цепь.

(фото из личного архива А Доброго)

Идём с пригорка, смотрим – картина точно, как в кино – танки медленно вползают в село, за ними, чуть поодаль и сбоку, следует пехота. И всё это – на фоне нереально красивого степного заката. Настроение отличное – готовы идти хоть всю ночь! Нам говорят: «Пойдёте, но завтра, а пока нужно заняться танками – замаскировать и выставить охранение».

Ночевали в заброшенном доме – слушали тишину, каждый шорох. Опять посыпались мины, залегли на полу, прижались – и снова тишина. От напряжения аж в ушах звенит – и не знаешь, что лучше! Короче, не спалось. Утром постро-

ение и на броню!

Без особых приключений дошли до Пантелеймоновки – жители встречали улыбками, махали вслед, женщины плакали. Встретились с горловчанами – обнялись, прослезились сами! Быстро стемнело.

(фото из архива отряда «Суть Времени»)

Машины спрятали так, что самим не найти, Литейщик с Марсом на высоте – наблюдатели. Разложили спальные, стали укладываться, как вдруг начался обстрел 120-ыми минами – очень запоминающийся обстрел! Из укрытий только трава, а разрывы всё ближе – беспокойства всё больше. Рядом Газетчик – тоже ёрзает – оценивает перспективы. Уже

летят комья земли, звякнул осколок. Спрашиваем друг друга: «Что делать, может нужно что-то делать?» Слышим, Матрос решается выразить общее мнение, спрашивает: «Командир... Вольга! Может нам переместиться?»

Все замерли в ожидании ответа, боясь пропустить вводные. А Вольга выдаёт: «Переместиться... С какой целью?» Смеялись все, искренне и задорно, сбрасывая смехом напряжение последних дней, тревогу и страх. Через минуту и обстрел закончился, а этот командирский ответ остался в памяти у всех и навсегда! Дождались утра – с энтузиазмом, не откладывая, схватились за лопаты – получили хороший урок!

Объявили перемирие – мы остались на охране танков, стали обживать, устраивать быт, укреплять позиции, быстро и уже умело окапываться. Многогранный, талантливый Контрабас освоил профессию повара. Ребята из разных подразделений дышали одной Верой, ели из общего котла, жили большой семьёй и дополняли друг друга! Как говорил Контрабас: «Мы охраняем танкистов, а зенитчики охраняют нас!»

В октябре приехал Злой, который, по словам Ириса, делает из нас что-то похожее на солдат, научит стрелять и даже попадать в цель. Мы ожидали увидеть накаченного, хмурого, немногословного здоровяка, с большими руками, готового месить нас, как глину, для получения быстрого результата. Но Злой оказался худым и поджарым, с лёгким сарказмом

и улыбкой на скуластом лице, с непонятными, но весёлыми шутками и вовсе не страшный.

Злой (рисунок А. Доброго)

Он показал нам несколько «фокусов» – где мы, к своему удивлению, научились чувствовать монету, спрятанную в одной из пяти сигаретных пачек, сначала проводя над ними рукой, а потом и на расстоянии семи метров. Медленно, с закрытыми глазами, разбирали автоматы, нежно ощупывали каждую деталь, запоминая запах оружейной смазки – так Злой загружал флешки в наши девственно чистые мозги. К вечеру он окончательно расположил нас к себе и на утро мы с воодушевлением готовились к незабываемо точным стрельбам. Кто-то из нас сказал:

– Ну, что? Когда пойдём пристреливать?..

И тут началось! Мы сразу узнали, что своё «Шо» можем засунуть куда подальше, что у нас теперь только два выражения: «Так точно!» и «Никак нет!», причём вторым лучше не пользоваться, потому что оно будет и самым крайним в нашем обучении. Трижды родные автоматы не пристреливают, а приводят к нормальному бою!.. И если Ирис называл нас порой оленями, то сейчас Злой подробно объяснил, что мы стадо ослов (всегда хотел узнать, бывает ли такое в природе?)

Наши «стрельбы» начались с отжиманий. Три крайних на построении – сорок отжиманий, три крайних на разборке-сборке – упор присев, упор лёжа, прыжок вверх – и так, пока Злому не надоест считать. Ухмыльнулся над прыгаю-

щим товарищем или Злому показалось, что ухмыльнулся – прыгаешь рядом. Потом бег с ускорением, потом держишь автомат на вытянутой руке, пока та не нальётся свинцом до отказа – тогда на «отдых»! Отдыхали в позе «штангиста» с оружием над головой. Устал отдыхать – встаёшь в планку «задумчивый десантник», локотки на земле, руки на затылке. Когда отключается мозг и тело, свет меркнет, а ты похож на испорченного робота – идём приводить оружие к нормальному бою...

(фото из архива отряда «Суть Времени»)

День за днём отжимания, статика, динамика и снова отжимания – по кругу. Пот заливает глаза, напрочь пересох рот, мышцы гудят и жалко стонут, на обеде ложку не поднять – руки отказывают. Бежим кросс, Злой выбирает самое грязное место, звучит команда: «Воздух!» – шлёпаемся на землю, «Противник справа!» – для тех, кто медленно повернулся – «Противник слева!» «Отдохнули? Встали, бегом!»

Мои товарищи менялись на глазах – перестают дрожать руки, держа автомат за цевьё и медленно поворачивая его вправо-влево, отдышка нехотя отпускает нас на кроссе, ребята подтянулись, черты лица заострились. Даже Белка сказал, что если бы их так учили, многие из его товарищей остались бы живы. Простые, элементарные советы Злого и постоянные тренировки делали чудеса – мы стали вполне прилично стрелять, до автоматизма отработывали замену магазина, каждый попробовал в работе пулемёт и гранатомёт. Теперь мы были не стадо ослов – а стадо ослов, которым, по недоразумению, выдали оружие и забыли спрятать патроны...

А ещё Злой страшно любил спорить и провоцировать на пари. С Ирисом они и подружились ещё в Таджикистане, когда Злой показал своё умение на спор кидать банки пива по излишне агрессивным собакам. Кто-то на полигоне спросил нашего неумолимого тренера, что он может сам, кроме как издеваться над нами. Злой молча вскинул карабин и одним выстрелом сбил пролетающую в шестидесяти метрах сороку. Вернувшись, мы рассказали Ирису о впечатляющем выстре-

ле – друзья отошли в сторону, слышу – шепчутся:

– Братан, молодец, конечно – ну признай, что это случайность.

– Я думал, ты порадуешься, что твой друг не растерял сноровку.

– Повторить сможешь?

– На спор, конечно!

На следующий день Злой сбил вторую сороку.

Не знаю, на что спорили старые друзья, но никому другому я бы этого не советовал. Злой выигрывал практически всегда, будь то нарды, отвлечённая философия или детали общих воспоминаний. Однажды он за день подготовил пакистанца, который ни разу прежде не стрелял, и тот выиграл по мишеням у испанца, служившего ранее в спецназе и удивлявшего всех ловкостью обращения с автоматом. Деньги Злому были не нужны и часто спорил он на щелбаны или приседания. Казалось бы, детская забава – но щелбаны у него были такие же, как позывной! Порой проигравший просил перенести половину расплаты на завтра – Злой великодушно соглашался, но прибавлял к «остатку» по три увесистых удара за каждое «завтра». Лучше приседания!

Пройдя эту короткую школу, я стал понимать, что настоящий воин – далеко не всегда перекаченный, киношный супергерой с голливудской, «волевой» челюстью, а обычный, внешне незаметный человек, которого отличают лишь волчьи глаза и кошачьи движения. А кардинально и моменталь-

но преобразается он, когда в руках его появляется оружие, превращая этого человека в хищника.

Злой (фото из архива отряда «Суть Времени»)

18-ого октября наши тренировки снимал известный британский журналист Грэм Филлипс.

Грэм Филлипс (фото из архива отряда «Суть Времени»)

Он стал настоящим другом отряда и всего ополчения – его вклад в правдивое освещение событий этой войны трудно переоценить. Под руководством Вольги и Пятницы Грэм сам решил попробовать и закапывание, и кросс вместе с нами, и стрельбу в балке из автомата и пулемёта. Был очень внимательным, задавал много вопросов. Мне показалось, что у

него тоже кошачьи движения и волчьи глаза. Он нарочито показывал не очень умелое владение оружием, но похоже, это было лукавство – сложные стрельбы из ПКМ с отсечкой трёх патронов у Грэма получились на отлично. Скорей всего, наш Гриша знаком с «железом» не понаслышке.

Шло время, рос отряд, закалялся его стержень – те, кто пришёл первыми и остаются вместе до сих пор. Всё чаще слышалось волнующее всех слово – Аэропорт!

16 ноября начался новый этап – мы перешли в оперативное подчинение 3-ого батальона бригады «Восток», получили БК, сухпай, дополнительное вооружение и новую задачу. Проехав через ночной, пустой и гулкий Донецк, наш отряд сменил подразделения «Спарты» на позициях «Монастырь» и «Весёлое».

(фото из архива отряда «Суть Времени»)

Прежние дни, насыщенные изнурительными тренировками и яркими событиями, вскоре покажутся лишь прелюдией, подготовкой к масштабному и тяжёлому действию, что ждёт нас здесь, в Донецком Аэропорту!

Быстро пролетел месяц с бесконечными перестрелками, тяжёлыми обстрелами из артиллерии и РСЗО, чисткой оружия, обустройством позиций и медленным, но неуклонным продвижением всё ближе и ближе к взлётке. Заняли найденный Вольгой «Гараж» – самую выдвинутую вперёд «укрепку», чем очень часто и основательно портили кровь украм

при ротации. Дядька Чогр наладил связь между нами через пульт «Мельницы». Теперь часто в эфире звучал всем знакомый, задорный голос: «Мельница, Мельница – Пятнице, Пятнице!»

Недавние «ботаники», мы уже совсем другие, спокойные и уверенные бойцы, говорящие на одном военном языке, получившие неоценимый опыт. Первые ранения заставляют быть строже и дисциплинированнее, мы продолжаем учиться сами и уже обучаем прибывающее пополнение.

Встретили Новый 2015 Год уже по московскому времени – пропасть между нами и украинскими «полубратьями» углубляется безвозвратно! Выпили по бокалу шампанского, длинными очередями «поздравили» притихшего противника и пожелали друг другу скорейшей Победы, окончания этой грязной войны и долгожданной встречи со своими, такими далёкими, родными и близкими!

После ранения Сявы, после многочисленных пневмоний, вызванных морозом, ледяным ветром и невозможностью хорошо просушить одежду, наш лазарет пополнили ещё два бойца. Аккорд и Гудвин попали под миномётный обстрел – одному оторвало пятку, у другого хлестала кровь из бедренной артерии. Не знаю, как эту беду почувствовал Колючий, но он вовремя бросился по следам замолчавшей в эфире пары – нашёл их, применил кровоостанавливающий «Целокс», перевязал и отправил в госпиталь.

Пришлось вызывать ребят с «новогодних каникул», тем

более, что обстановка накалялась изо дня в день. На фронте запахло кардинальными переменами, которые стучали в дверь Нового 15-ого года так сильно, что уши закладывало. Ирис сказал, что приезжает брат Злого – на этот раз Добрый – ждём здорового и бородатого мужика. Петька поехал встречать.

(фото из архива отряда «Суть Времени»)

Записал со слов боевых товарищей 6 марта 2021г.

ГОД ПОСЛЕ

(фото из личного архива А. Доброго)

5. Год после

(фото из личного архива А. Доброго)

Одинокий силуэт молодого украинского солдата неподвижно замер над бруствером с биноклем у глаз. Не знаю, кого он высматривал, но сам представлял из себя очень лёгкую мишень. Серая зона растянулась здесь на полных три километра – широкие поля уходили за бугор, скрывая позиции противников друг от друга. Ещё тёплое осеннее солнце стояло в зените, лёгкие пушистые облака почти не давали тени.

Назойливый звон цикад, шаловливый ветер и душистый запах трав дополняли эту мирную картину из далёкого детства. Юный воин, сосредоточенно вглядываясь вдаль, с ребячьими мечтами в голове, даже не подозревал, как его недружелюбно рассматривают с такого короткого расстояния.

Весь день мы наблюдали за жизнью в этой укрепке – за сменой часовых, нерадивым несением службы и передвижением техники. Расслабленный личный состав вёл себя слишком безмятежно, как будто ребята приехали на пикник. Острая фаза боёв осталась позади, но Смерть продолжала свою неспешную работу – несмотря на объявленное перемирие, бойцы гибли практически каждый день. Удивительное и страшное привыкание к ежедневной опасности действовало разлагающе. Поразительно, но охотно стреляя сами, обе стороны не очень-то были озабочены собственной обороной и безопасностью. Подползая под самый вал этой укрепки, Двойка детально разглядывал беспорядочно понатыканные мины, которые, похоже, никто не контролировал.

Неделю назад, в километре отсюда, украинские танки крутили «карусель», упражняясь в стрельбе по нашим позициям. Предстояло определить, здесь ли эти «карусельщики» или они резвились перед самой ротацией и уже ушли. Мы присмотрели несколько мест для пуска ПТУР-ов, наполнили землёй ящики из-под мин для большей устойчивости станка – трава выросла высокой, вынуждая поднимать точку опоры. Минировали возможные подходы танков, внимательно

следили за действиями противника, ожидая скорого появления серьёзных групп. Так часто случалось – о работе ДРГ рано или поздно становилось известно противоборствующей стороне, которая сразу же присылала «противовес». «Игра в шахматы» шла уже год и ещё долго будет продолжаться.

Пока же мы видели только одинокие посты с такими же одинокими магазинами на автоматах. Так и с нашей стороны стояли такие же молодые ребята, вооружённые теми же тридцатью патронами, согласно Минским договорённостям. Этого хватало примерно на три секунды боя, а подобные бои, вернее избиения беззащитных, случались не редко. Вооружённые до зубов, ДРГ матёрых волков-бандеровцев атаковали наши позиции и с изуверской жестокостью и цинизмом резали горло или пускали каждому бойцу по пуле в лоб. Противно и мерзко до дрожи!

Ненависть зашкаливала, но нужно держать себя в руках и делать свою работу. Мы противостояли именно этим наглым, рискованным и жестоким зверям, отлично вооружённым, экипированным и обученным, действительно что-то умеющим в военном деле из 8-ого полка спецназа ГУР, из идейных представителей «Азова» и грузинских «доберманов»... Мы выслеживали волков – с удовольствием давали им почувствовать себя не только охотниками, но и дичью.

Оглянувшись в крайний раз на украинского мальчишку, мы с Двойкой тихо снялись и ушли.

Иногда мне кажется, что я прожил ни одну, ни две, а

несколько жизней. Часто они идут последовательно – плавно перетекая одна в другую, но бывают и параллельны, абсолютно не похожие друг на друга. Выпадая из одной, например, в короткий отпуск домой, к семье – ты оглядываешься на изнурительные боевые будни, как на прочитанную книгу или просмотренный фильм. Они, конечно, зацепили тебя за живое, но были такими нереальными, что когда тебя спрашивали о войне, ты даже терялся в воспоминаниях – они причудливо менялись, исчезали и появлялись через какие-то провалы.

После памятного боя 17 января я отлежался в госпитале и был отправлен домой вместе с Добрым. На свою голову позвал его к себе – знакомить с семьёй. Немного странный мужик с вечной улыбкой и тихим голосом, он появился у нас за неделю перед боем. Мы пару раз виделись, едва успев познакомиться, а вечером 17-ого, по его же словам, Добрый с ребятами уже вытаскивал меня раненого из Монастыря. Тут и начинались провалы в памяти, хотя во сне я часто возвращаюсь в тот день. Вновь бьют по ушам танковые залпы с одновременными разрывами в толстых стенах монастырского общежития, которое мы оборудовали в неприступную крепость. Настолько близко стоят танки, что мне кажется, отчётливо слышен лязг затвора и команда: «Выстрел!» Мы пригибаемся, вжимаясь в стены, а потом заставляем себя возвращаться к окнам для ответного огня.

И я никак не могу досмотреть этот сон до конца. Снова,

как в замедленном кино, вижу разрыв снаряда в бойнице, летящий куда-то искорёженный «Утёс», дождь осколков по длинному коридору – острая и горячая боль пронзает спину... В некогда толстой стене зияет огромная пробоина, клубится бетонная пыль – в нос бьёт едкий, противный запах сгоревшего тротила, режет глаза, пересохшие губы судорожно глотают воздух. Помогая друг другу, мы заползаем в боковую комнату сами и затаскиваем оглушенного Фельдшера. С трудом скидываю броник – вроде дышу. Прибегает Щука, наскоро осматривает, кое-как бинтует, вкалывает антишок и спешит обратно в бой. Потом я на время теряюсь...

Дальше уже были отрывочные воспоминания, сознание мерцало, как испорченная лампочка, хотя ребята говорят, что я был активен на рации, передавал целеуказания от тех, кто стоял у бойниц, наводил миномёты и даже командовал боем. Сложно связать всё это в осознанную картину, зато Добрый рассказывал моей маме и жене детально и в подробностях. Хвалил меня так, что хотелось выругаться, но мои родные внимали сосредоточенно и жадно, даже бабушка, с которой всё детство я был ближе, чем с мамой, теперь мало обращала на меня внимания, а мой сын сидел у этого рассказчика на коленях и тоже зачарованно слушал.

Лёгкий укол ревности заставил меня вздрогнуть – я покачал головой, махнул рукой на этот цирк и отправился к дочке, которая всегда была мне рада, улыбалась беззубым ртом, потешно дрыгая своими ручонками, и цепко следила

за мной бусинками-глазками. Она родилась как раз перед моим возвращением – я и притащил Доброго, чтобы похвастаться. Сейчас же почти жалел об этом – он всецело завладел вниманием моей семьи, нагнав на них какую-то печаль, скорбь и слёзы.

Я слушал детское лепетание – к своему удивлению, легко угадывая настроение и желания моего маленького чуда, с удовольствием рассказывал ей о прекрасных восходах в потаённом лесу с волшебниками и феями, сказочными принцессами и отважными рыцарями в блестящих доспехах! Я так любил всё это, что был уверен в отзывчивом внимании своей дочурки, которая слушала мой голос с непередаваемым восторгом!

Как хорошо дома, особенно когда Добрый переставал бубнить свои истории. Я смотрел в лучистые глаза жены, ловил её улыбку, удивлялся, как быстро растёт сын – моя копия – трепал его по непослушным вихрам, наслаждался мудрым, философским спокойствием мамы. Я помню, как сам старался поскорей вырасти – сидя на стуле, всегда поджимал под себя ноги, чтобы казаться выше её. А теперь с удивлением видел – какая же она у меня маленькая...

Отпуск пролетел быстро, мы с Добрым возвращались в Донецк, а за спиной медленно таяла и исчезала мирная счастливая жизнь. Согретое любовью сердце вновь черствело, готовясь к новым испытаниям. Война продолжалась, несмотря на мирные договорённости, которые никто не со-

блюдал.

Привычный сон унёс меня в холодные стены Монастыря. Из рта идёт пар, холодит спину – кажется, что мороз обжигает не только лёгкие, но и саму Душу. Стонет раненый Болгарин – я и не заметил, как Игорь появился рядом со мной на полу – ещё недавно он забегал проведать наше здоровье, пока Альфонсо менял его у бойницы. Зажав побелевшими руками автомат, неподвижно вытянулся, потерявший сознание Фельдшер – не могу даже подползти его проверить. Тупой болью возвращается недавняя, призрачная картина – белый, как мел, Щука чужим голосом сообщает, что Белка двухсотый. Не кричит, не говорит, а именно сообщает! Я гоню эту назойливую мысль – откуда Белка мог взяться? Уже темно, бой не смолкает, снаряды и пули врезаются в стены со всех сторон, как в жестяную банку – раскалывается и медным колоколом гудит голова.

Мы уже несколько часов в окружении. Из Весёлого все, кто мог, прибежали на помощь, сражаются рядом – буквально в пятидесяти метрах. Но эти метры не пройти – настолько плотный огонь. Укры ещё ближе – сидят за валом, готовятся к атаке. Ладонь любовно гладит автомат – мы вас очень ждём! Перед глазами мудрый Каа из давно забытого мультика – подойдите ближе, бандерлоги!

Горячей волной нахлынули воспоминания – мы мальчишками на привале в лесу. Только что прошла реконструкция с боями на мечях, в самодельных кольчугах и латах – все раз-

горяченные, с мокрыми от пота, всклокоченными волосами, счастливыми, горящими глазами – зубоскалим. Меня просят сыграть что-нибудь весёлое, я привычно беру гитару за гриф, перебирая звонкие струны... Рука до боли сжимает цевьё автомата, замёрзшие пальцы горстью бьют по его прикладу – сейчас сыграем!

В середине мая мы перешли почти всем отрядом в батальон специального назначения «Хан». Новая работа и новые задачи. Учимся ходить по ничейной земле, учимся чувствовать опасность засады и преодолевать вековую дрожь от страха перед многочисленными минами «подкольными» – сложно придумать более точное сравнение. Крайне тяжело делать первые шаги в неизвестность, но потом привыкаешь, включаешь слух, интуицию, буквально начинаешь чувствовать кожей.

Как-то постепенно мы с Добрым стали «не разлей вода». Он старший, правда лишь по возрасту – не по знаниям, ходит с группой эдаким политруком, присматривает за молодёжью, что-то им объясняет, вселяет уверенность. Ну а я присматриваю за ним самим. Подогнали командиры мне задачу – как будто больше заняться нечем. Но потихоньку мы притёрлись, стали понимать друг друга без слов и даже жестов – одним взглядом. Я пару раз толкал его в бок, чтобы поднимал ножки, когда проходили растяжки. А один раз едва успел схватить за шиворот обоих – ещё с одним из местных, когда чёрная нештатная нить уже резанула траву, натя-

нутая до предела. Благо была длинней, чем положено! Мы так натужно рассмеялись, когда достали цинк, плотно набитый гексогеном – кусков не собрали бы...

Я помню, как Злой учил нас тренировать интуицию – самое нужное качество в работе разведчика, но видно брата так и не научил? Добрый не замечал ничего, был как слон в посудной лавке. Это ведь я убедил его развернуть группу перед тем, как мы потеряли Муслима – жаль, что поздно... Там всё предвещало беду, с самого выхода пошло наперекосяк – и я до сих пор злился, что Добрый оставил Саныча на прикрытии. Тому уже за шестьдесят, но чуйка работает отменно и, возможно, его опыт смог бы предотвратить беду.

Вот и сейчас дед уверенно вёл нас по тропе, шумно раздвигая траву, в полной экипировке, с двумя ТМ-62 за спиной. Шёл размашисто и бодро, как старый, надёжный бульдозер – опытный сапёр издали чувствовал ловушки, которых и сам наставил немерено! Закончив очередное минирование, мы вернулись на ЗКП и завалились спать – двенадцать километров по зелёнке с полной нагрузкой, в постоянном, тревожном напряжении просто отнимали ноги. А неугомонный Саныч сел с кем-то резаться в нарды – удивительный дед!

Как в кроличью нору, я снова лечу в свой сон! Белка всё же пришёл – не нагнувшись, не усомнившись – прямой во всех отношениях, с побелевшим лицом и сжатыми зубами, подобный изумлению и чуду. Страшно было даже подумать

выйти за дверь, а он пришёл, деловито взял пулемёт, внимательно осмотрел ствол, коробку с патронами, ободряюще улыбнулся и вышел обратно... В вечность!

Этот день, как целая жизнь.

Батальон «Хан» встретил нас уставом и жёсткой дисциплиной. Я приезжал-уезжал по своему усмотрению и в расположении бывал лишь в день приезда, день отъезда – всё остальное время на линии соприкосновения, поэтому проблем не ощущал. Но вот ребятам тяжело было перестраиваться с вольности ополчения на казарменный быт. Давно уже взрослые и самостоятельные мужики очень неохотно вставали в строй, обрубая своё хочу-не хочу. Старики, которые отстояли Республику в самое тяжёлое время, недовольно ворча, постепенно уходили из армии, уступая место молодым. Вот их-то мы с Добрым и обучали самым простым вещам.

Для ускоренного слаживания группы тренировались везде – даже по дороге в столовую. Перебрасывали друг другу ножи, разные по весу и размеру – два, три, четыре – вовлекая в круг всё новых участников, раскручивая этот круг быстрее и ещё быстрее. Не долгие, но очень внимательные занятия на полигоне, чёткий инструктаж и вот уже первый выход группы недели на две в серую зону. Задача просто выжить, остаться незамеченными, наблюдать за близким противником и обрести уверенность в передвижениях. А главное, взаимодействие всех бойцов, как единого организма с

доверием, чувством локтя и безмолвным пониманием глаз и жестов товарищей. Мы постоянно напоминали, что приказы и поставленные задачи здесь, на исходных, часто претерпевают изменения там, за ленточкой. И командир группы сам решает, как и каким образом достигать эти цели, неся полную ответственность за итог поиска и за жизнь каждого бойца. А самая главная задача формулировалась просто – в каком составе группа вышла, в том она и возвращается.

Потихоньку выкристаллизовывался костяк, каждый занимал определённое место, крепи связи, лишние отсеивались – рождалась новая боевая единица. А по результатам наших хождений, приезжали более опытные ребята и отработывали.

Далеко не всегда разведка достигала определённой цели – быстрее ноги стопчутся, семь потов выйдут – голову сломаешь, как обойти оборону и достать противника. Тем весомее был успех. Танки так и не вернулись на место «карусели», но один подтверждённый грузовик подорвался на нашейmine при попытке укров зайти в свою, ранее оставленную, укрепку. А после долгой охоты группа Двойки всё-таки накрыла расположение батареи Д-30-ых, передала координаты и корректировала огонь нашей Арты до полного их уничтожения. С этим командиром у нас быстро наладились хорошие отношения и взаимная поддержка с дружеским соревнованием.

Познакомились с Двойкой ещё весной 15-ого – разведчики часто приезжали в нашу зону ответственности. Мы охотно делились друг с другом боеприпасами и информацией о

противнике, стараясь облегчить каждому выполнение его задач. Сдружились ещё до перехода в «Хан» – что позже помогло быстрее влиться в необычную для нас, рисковую и интересную работу. Сколько километров мы протопали в группе Двойки шаг в шаг по зелёнкам от Горловки до Широкино... Сколько весёлых баек услышали от него в редкие минуты затишья...

(фото из личного архива А. Доброго)

Холодный нос одноглазой овчарки ткнулся в мою ладонь,

требуя ласки. Мы уже две недели ходили по неубранным полям между Старомихайловкой, Красногоровкой и Невельским. Эту овчарку мы буквально вернули с того света – вытащили осколок из головы, обработали рану, перевязали, сняли с полсотни отъевшихся клещей. Собака была беременной и, видимо, это давало ей волю к жизни – каким-то чудом оклемалась, а вскоре и оценилась четырьмя здоровыми щенками. Абсолютно глухая после ранения, ещё слабая, она очень ответственно и верно выполняла материнские обязанности. Прекрасный пример самоотверженного жизнелюбия!

(фото из личного архива А. Доброго)

Мы вместе с Двойкой сидели на берегу ставка, пили ароматный, горячий чай и мечтали о мирной жизни. Над водой клубился предрассветный туман, как пушистое, прозрачное одеяло, которое просыпающееся Солнце натягивало себе на нос, готовясь поднять и решительно скинуть прочь! Первый непослушный вихор огненной шевелюры уже падал на бесконечную даль Небес. Утренний Ветер ещё только раздувал щёки, боясь спугнуть это мимолётное очарование.

Двойка рассуждал вслух:

– В чём же между нами разница? Наш враг тоже любит свою «нэзалэжну нэньку», у них тоже «своя правда», за которую они убить готовы любого «москаля», «сепара» и «коло-рада» – весь интернет завален их угрозами и бахвальством. Только испокон веку на Святой Руси главным критерием любви была готовность отдать свою жизнь за Родину и «за други своя», а не забрать чужую! В этом и есть разница между Борисом и Глебом против Святополка Окаянного.

На густой траве нежная, осенняя изморозь уже превращалась в хрустальную росу. Такая редкая на фронте, ускользающая тишина давала долгожданный отдых, всегда напряжённой, Душе. Сверкая белозубой улыбкой, Максим Гулевский, позывной Двойка, скомандовал:

– Всё, парни, пора выдвигаться!

Он уйдёт по Небесной тропе разведчика 26 марта 2016 года.

Двойка, Максим Гулевский (рисунок А. Доброго)

Раньше я думал, что на войне постоянно происходят какие-то завершённые и яркие события – бой там, с обязательной победой одной из сторон, какой-то переход с достигнутой целью или поиск разведчиков с захватом «языка», важных документов и последующим налётом на застигнутого врасплох противника. Только война – не кино! Здесь это было вроде бесконечного существования в тяжелейших условиях параллельной реальности. Люди старались жить, вернее – выжить в этой ловушке сознания без времени и края. Устраивали какой-то быт, кошмарили друг друга, привычно ходили рядом со Смертью, абсолютно не удивляясь такому частому соседству. Хоронили друзей и снова ныряли в туман безвременья, надеясь на мир, но уже привыкнув к полу-жизни на этой полу-войне со своими полу-братьями.

Там, за спиной, в Донцке реальность была другой – давно забытой, уже опять яркой и нарядной, которая смотрела на нас, своих защитников, с недоумением и недопониманием. А из России наблюдали за происходящим с тем же интересом, как и о событиях на Луне – безразличное восприятие чего-то далёкого и несущественного. И ни у кого из них ни разу не ёкалось, что всепожирающая Война не «где-то там» на Украине, а прямо «Здесь!», на земле бывшего Нерушимого Союза, на просторах нашей Великой Родины, которую защища-

ли ценой жизни деды и прадеды для нас, любимых! И воюют «Здесь!» такие же русские люди, даже более русские, чем подавляющее большинство населения РФ! И враг, который смог столкнуть нас с бывшими братьями в безумной бойне, так же жесток и коварен! И цель у него прежняя – очередное дробление нашей Родины, ограбление, порабощение и уничтожение нас всех – как патриотов, так и демократов с либералами, правильных русских и неправильных, даже анти-русских, коими себя считают хохлы. И для этого врага татары, кавказцы, буряты, киргизы с узбеками и все остальные – такие же русские, как это было и раньше во все века!

Зима. Потянуло на грустные воспоминания. Уехал домой Добрый – странно, но вначале он вызывал лёгкое раздражение своей невнимательностью, приходилось постоянно опекать этого увольня с тяжёлой, кривоногой походкой. Извилистые и опасные тропы серой зоны сблизили нас, сладили, сделали единым целым... Только сейчас почувствовал какую-то саднящую пустоту в душе. Близилась первая годовщина боя на Монастыре – время улетало быстрой стрелой. Как живые, стоят перед глазами давно родные Белка и Болгарин.

Ребята ставят свечи, делятся воспоминаниями, поправляют фотографии погибших товарищей... А я только сейчас замечаю на них третье лицо – издали не могу разглядеть, да и к стыду своему – не могу вспомнить! Неужели настолько сильно долбануло меня тогда, что даже ЭТО провалилось

в подвалах памяти? Парни молча поднимают стопки – ещё три, накрытые хлебом стоят перед фотокарточками, а я не могу пить!

(фото из личного архива А. Доброго)

В нос ударил кислый и едкий запах гари – вся одежда, волосы, оружие пропитаны им. Зябко – пронизывающий холод вползает в грудь, медленно заполняя всё пространство и вытесняя жизнь. Темно. В ушах мерно и густо звонит огромный колокол. Парни на трёх автоматах несут меня мимо церкви с разбитой колокольней, спотыкаются – резкими толчками сжимается от боли израненная спина, упираясь в угловатое

железо. Один из бойцов тяжело дышит мне над ухом, что-то невнятное бормочет про «Потерпи» и «Всё будет хорошо» – в темноте не вижу, но уверен, что это Добрый. Он приехал неделю назад – мы едва успели познакомиться, а мне кажется, что знаю его всю свою жизнь. Перед глазами неспешно, с расстановкой и давно забытыми подробностями, течёт эта самая жизнь – детство, друзья, мама, бабушка, красавица жена, сын! Я тихо улыбаюсь – скоро родится дочка, а я уже знаю, как она потешно лепечет, дрыгает ручонками и следит за мной глазами-бусинками.

Крепко беру Доброго за «арафатку», с трудом подтягиваюсь.

– Хорош! Мы оба знаем, что будет!

Он ничего не слышит, хрипит что-то пересохшим ртом, натужно кашляет. Я снова тяну его к себе, шепчу в ухо:

– Добрый! Я присмотрю за тобой...

Меня зовут Евгений Пятница – я боец отряда «Суть Времени», батальона «Восток», Донецкой Народной Республики.

(фото из личного архива А. Доброго)

02.04.2021.

A landscape photograph showing a hillside with a small wooden building and a line of trees. The image is overlaid with a grid of vertical and horizontal lines. The text "круг замкнулся" is written in white, stylized Cyrillic font at the bottom left.

круг замкнулся

(фото из личного архива А. Доброго)

6. Круг замкнулся

(фото из личного архива А. Доброго)

Широкино. Я с интересом разглядываю в монокуляр этот небольшой посёлок на берегу Азовского моря. Бывший туристический центр – в 2014-15 годах он стал ареной кровопролитных уличных боёв за каждый дом между донецким ополчением и украинской армией. Мы тогда сражались в Аэропорту, но каждый день с тревогой и надеждой ловили известия о боях под Дебальцево на севере и за этот посёлок

на юге. Прошёл год – и я нахожусь здесь, совсем рядом.

За этот год много что изменилось. Какой-то умник в переговорном процессе провёл корявым пальцем по карте, обозначая линии отведения сторон для перемирия. И плевать ему, что ополчение вынуждено уйти с господствующих высот, гряда которых выходит прямо на Широкино. Укры зашли туда сразу же и ПТУРами отрезали единственную дорогу снабжения вдоль побережья. До сих пор стоят там танк ополчения с оторванной башней и подбитая легковушка, пытавшаяся на скорости проскочить к своим.

А потом наши просто вышли, не имея возможности подвезти защитникам БК, воду, продукты и пополнение. Противник тут же занял весь посёлок, привычно наплевав на все договорённости – много жизней унёс этот «корявый палец по карте»!

Мы ходили по этим высотам – видимость на десяток километров вглубь нашей обороны. В один миг под ударом оказались Дзержинское, Ленинское, Саханка и Безыменное. Одна только высота «Дерзкая» тогда ещё держалась, оторванная от основных позиций и очень рисковая при ротациях. Не раз там ребята попадали в засаду, теряя погибших, раненых и пленных. Потом и её оставят, но это будет потом...

А пока мы ждали ОБСЕ. Два белых «Лэндкрузера» уже проехали блокпост ВСУ и направлялись к нам. Ежедневный проезд давал небольшую передышку между утренними и вечерними перестрелками. Рядом стоит командир местно-

го подразделения Алтай – отставной подполковник Советской Армии. Здесь он на должности лейтенанта – старый солдат всеми силами старается сохранить жизни своим подчинённым, каждый из которых ему во внуки годится. Благо копать своих «внуков» он научил и заставил – добротные траншеи спасли не одну горячую голову.

(фото из личного архива А. Доброго)

Головная машина тормозит, из нее выходит офицер лет шестидесяти. Натянув шапку пониже, а ворот повыше, выхожу и я следом за Алтаем. Рука к головному убору – вежливое приветствие. С Алтаем они видятся каждый день, меня же офицер окидывает цепким и пристальным взглядом старого разведчика. После дежурных фраз о погоде на чистом

русском с едва заметным акцентом он начинает сыпать анекдоты, пытаясь вызвать на разговор. Потом меняет тактику и говорит, что видел на украинской стороне подбитый вчера грузовик – с наигранным сожалением сетует на то, что молодые ребята одного народа стреляют друг в друга...

– Rzeczpospolita? – спрашиваю его.

Поляк вздрагивает, наши взгляды пересекаются.

– Откуда знаешь?

– Слышу. Разве для вас это новость? А как же «Армия Людова» и «Армия Крайова»?

– Это было давно, – неохотно бурчит офицер НАТО.

– К сожалению, прошлое возвращается... Когда о нём забывают.

Передышка закончена – не внушающие доверия обеим сторонам «посредники» убираются восвояси.

День назад местный ПТУРщик удачно провёл ракету сквозь две лесопосадки, не представлявших какого-либо укрытия ввиду по-февральски голых деревьев. Цель оказалась на виду и оператор поразил украинский грузовик. Потом мы наблюдали БМП противника, которая старалась оттащить куда-то в сторону этот дымящийся остов – попытались выпустить три ракеты уже по бронированной машине, но ни одна так и не вышла. Бывает и такое... А через полчаса уже меня засекли в такой-же голой лесопосадке – заработал ДШК со стороны Широкино.

«Дашка» размеренно и методично прочёсывала мою не

зелёную «зелёнку», в обнажённых кронах деревьев рвались гранаты АГС, а я вжимался в Матушку Сыру Землю, кляня себя за разгильдяйство и неосмотрительность. Хорошо, что расстояние было на пределе возможностей противника, но густой веер крупнокалиберных пуль и гранат заставлял неприятно ёжиться, превращаясь в плоскость и выискивая хоть какую-то ложбинку в ещё мёрзлой и жёсткой почве.

Очередной рассказ даётся всё труднее и труднее. Жена ворчит, что я опять «уехал» – на этот раз в воспоминания, которые намного страшнее даже той реальности на передовой. Перед глазами лица ребят, ушедших в Вечность, а душу гложет невозможность хоть что-то изменить. По ночам просыпаешься, а руки ещё чувствуют тяжесть Женьки Пятницы, которого мы выносим на автоматах, а глаза ещё видят бездонный взгляд Муслима.

Суровые воины – мои боевые товарищи отказываются читать рассказы, на которые сами меня подталкивали. Говорят, что очень тяжело переживать это вновь – если бы они знали, как тяжело писать, редактировать, перечитывать, исправлять...

Знакомая психолог настаивает, что мне надо обратиться к специалисту за помощью – она много таких видела и им уже не стать прежними... Только я не хочу быть прежним. Я несу свою боль в душе, как острый твёрдый бриллиант, как опасное, но ценное сокровище. И если часть моей души уже умерла вместе с ребятами, то она же и вознеслась вместе с

ними. Чем может помочь мне «специалист», если мы с ним на разных планетах? Да и не тот это «Синдром» чужой войны и чужих интересов, что толкает в пьянство и желание забыть всё – нет, мы защищаем свой Народ и свою Землю! И даже наблюдая несправедливость за спиной в тылу, мы уверены, что остановили гораздо большее зло. И держим оборону мы не просто от украинцев, а от той нечисти, что приходила убивать нас в 1612, 1812, 1941 и 1991 годах. Оттуда – с «цивилизованного» и вечно загнивающего Запада.

После осеннего ранения я довольно легко восстановился и назначил себе четвёртую «командировку». В батальоне «Хан» создавали новую группу и меня отправили вместе с ними «погулять» по Серой зоне для слаживания парней в боевую единицу. Каждый из них мне в сыновья годился, включая командира группы Джаму и его заместителя Сульфата. Я в работу и отношения напрямую не вмешивался, но старался всегда быть рядом. С Джамой мы исходили все поля и зелёнки от Широкино до высоты «Дерзкой», обкатывая бойцов и пробуя их в разных задачах для создания цельной и сплочённой команды.

(фото из личного архива А. Доброго)

Простор. Бескрайние поля прекрасной Украины – только в этом значении ещё можно писать её с большой буквы. Мой прадед сто лет назад выводил этими полями свой клан из родного Запорожья всё дальше и дальше на Восток – прочь от безумия Гражданской войны. Теперь его правнук участвует в такой же междоусобице. Всё по кругу. «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл.1:9). Важно только – кто ты есть!?! И с кем ты – защищаешь ли свой Народ или хаешь на него, а значит и на своих предков, и на себя лично, ввиду «новых» «открытий» «науки» и «истории»...

Приехал Вольга. Свободные тренировки по всей линии соприкосновения закончились – обозначились реальные цели. Парни с воодушевлением принялись за работу. Наши «поиски» вплотную приблизились к противнику – мы практически в упор наблюдали за распорядком дня, сменой часовых, за основными и запасными позициями врага. Научились умело маскироваться, потому что «ночники» и «тепляки» отлично работали в любое время суток и копали, копали, устраивая временные НП и снайперские лёжки. Круг сужался всё ближе к побережью и, вот настала та ночь, когда ребята вошли в Широкино. Сколько раз говорил этим «самостоятельным», что оружие всегда должно быть на предохранителе... Снять его большим пальцем и нажать указательным на спуск ничуть не дольше, но намного безопаснее, чем переносить палец из-под курка вперёд.

Молодой снайпер споткнулся, прозвучал хлёсткий узнаваемый выстрел – хорошо, что никого не задел, но группа обозначилась. Пошёл нервный тремор и, отлежавшись с полчаса, ребята вышли обратно на исходные. Первый блин комом, но это тоже опыт – чуть позже группа уже самостоятельно работала в Коминтерново. А им на смену прибыли более опытные товарищи. Я остался вводить их в курс дела и завершить начатое, тем более, что уже хорошо был знаком с местными подразделениями, тропами и позициями противника. На той стороне дважды объявились группы с характерной экипировкой, вооружением, составом и манерой работы

– очень не похожие на обычных ВСУшников. Скорей всего по нашу душу.

(фото из личного архива А. Доброго)

Со стороны Широкино отработала пара миномётов – скорей всего, с побережья яхт-клуба «Дельфин», где за горочкой хорошие укрытые позиции. Мины пролетели у нас над головой, вдоль линии обороны противника и взорвались на полпути к Водяному, где-то напротив Лебединского. Опять 36-ая бригада морской пехоты ВСУ что-то не поделила с «Азовом». Такие «дружественные» посылки мы и раньше наблюдали в разборках между разными подразделе-

ниями украинских войск, что давно уже не секрет. Но сейчас всё происходило буквально перед глазами. Минут двадцать длился односторонний обстрел при полном молчании как потерпевших, так и ополчения. Видимо обратный ответ будет чуть позже, а мы под шумок собрались и спокойно ушли. Я помню, как на Спартаке ВСУшники выходили на нас с просьбой дня тишины, чтобы устроить войнушку уже с «Правым Сектором» (организация запрещённая на территории РФ). Мы без проблем соглашались.

Хлестал уже мартовский, но очень холодный ливень. Отвратительная погода заставляла искать укрытие, надвигать глубже капюшон и зябко кутаться в промокшую одежду – она как нельзя лучше подходила для наших целей, заглушая мягкий звук шагов и делая бесполезной самую совершенную оптику. Две группы в кромешной тьме под барабанную дробь дождя с севера и востока медленно зашли в Широкино. Задача стояла подтвердить данные о позициях противника, домах, которые он занимал и в непосредственной близости от них корректировать огонь артиллерии. Цена ошибки очень высока – с далёкого безопасного расстояния ничего не видно в плотной застройке, а когда рядом, то рискуешь попасть под свои же снаряды.

Часы тикают слишком громко и слишком быстро. Нервы на пределе. Наконец ребята выходят на связь – можно начинать!

Выстрелов даже не слышно – настолько далеко находит-

ся батареея. Над головой медленно и тяжело один за другим идут снаряды. Я нахожусь на позициях ребят Алтая. Сегодня они в полном моём подчинении – где-то впереди в темноте две наши группы. Мы лишь на прикрытии, неожиданно с края отработал снайпер из местных – бегу туда, схватил его за грудки, потрянул хорошенько! Он оправдывается, что стрелял в сторону моря – нельзя! Сидим, ждём! Рука сжимает рацию, ты уже не замечаешь ледяной дождь и пронизывающий ветер...

Вспышка! Протяжный грохот разрыва, как будто великан потряс железную бочку полную металлических шаров. Вспышка!

Даже здесь земля вздрагивает, как же там... Я не раз был под обстрелом, когда сдавливают виски и горло, сжимается грудь, мешая дышать, воздух с хрипом проходит в лёгкие, ты чувствуешь приближение снаряда – замирает сердце... Разрыв! Теперь оно колотится с бешеной скоростью, выпрыгивая наружу... Вспышка!

По рации идут поправки, транслирую их дальше... Вспышка! Разрыв!

Пока работает Арта противник сидит молча, но он готов... Сейчас начнётся круговерть с миномётами, «Утёсами», АГС, вскоре подключатся танки и БМП...

Вспышка! Разрыв!

Тяжёлая «Увертюра» подходит к концу – включается весь концерт. Холода как не бывало, запели крупнокалиберные

пулемёты. Похоже, одну группу обнаружили или противник просто боится на пути нашего возможного прорыва – 82-ые миномёты работают точно по их продвижению. Мы включаем прикрытие – до вражеских батарей не достать, но имитируем прорыв в другом месте. Ребята прижаты к земле, просят разрешение на выход – я транслирую дальше, но разрешение не дают. Вторая группа ещё в работе. Всё новые участники вступают в бой. Какофония звуков. 82-ые ложатся горстями... Парни просят выход!

Беру ответственность на себя и вывожу обе группы. Обошлись без потерь, но мне получить за самовольство – плевать!

Наваливается усталость, понимаешь, что промок до нитки, мелкой дробью стучат зубы, колотит всё тело – иду встречать измученных ребят. Грязные с головы до пят, мокрые хоть выжимай, но целые и невредимые. На этой войне – самое главное! Оставляем местным парням запас БК, уходим. До базы километра четыре по разбитой грунтовке – грязь непролазная под ногами, хляби небесные над головой. Настроение паршивое – хоть обратно возвращайся. Стоим смотрим друг на друга, немой вопрос висит в воздухе... Благодарумие побеждает – слишком уж мы там наследили.

Молча выслушал недовольство офицеров, кто планировал и руководил всей операцией. «Да, виноват – только парней не трогайте». Докладывают в батальон – теперь жду санкций. Но пока всё тихо. А при встрече Вольга и Хан понимающе

улыбнулись – наверное, я злоупотребляю их расположением.

Приехал Джама. Вместе с ним отправился к своим прежним подопечным в Коминтерново. По дороге ржавели украинские танки с оторванными башнями – такие же, как наш на въезде в Широкино.

(фото из личного архива А. Доброго)

(фото из личного архива А. Доброго)

(фото из личного архива А. Доброго)

Всё по кругу – тысячелетиями Восток воюет с Западом, братоубийственные войны сотрясают эту Землю как сто лет назад, так и двести, и четыреста... Теперь просто наша очередь... Погибшие друзья рядом, в одном строю – они и оберегают тебя, и подсказывают, и учат. Ты снова и снова выносишь их на себе, но снова не успеваешь и теряешь... Вскоре погибнет Сульфат – Царствие тебе, брат, Небесное!

Круг замкнулся! Одна параллельная жизнь зациклилась, но другие идут вперёд. Я не знаю, как это лучше объяснить, но так чувствую. Каждый проходит свой Путь, решает свои задачи, несёт свои потери, наворачивает свои круги. Финиш

как будто для всех одинаковый, но итоги прохождения Пути разные и длина его, и тернистость. И решённые задачи разные, да ещё чтобы человеком остаться после всех испытаний – а значит и встречают свой Финиш люди по разному. Я верю, а Вера всегда сильнее знаний.

(фото из личного архива А. Доброго)

06.05.2021.

ПАМЯТЬ

(фото из личного архива А. Доброго)

17 января 2015 года

При обороне Свято-Иверского монастыря

В Донецком аэропорту

Погибли наши товарищи

– Игорь Юдин (Болгарин)

– Женя Беляев (Белка)

– Женя Красношеин (Пятница)

7. Память

Я посвящаю свой рассказ
Простым ребятам,
Как в тревожный час
Они вдруг выросли
И Крест свой понесли,
Достойно той Войны солдатам.
Шагами верными
Свой Путь нашли
И неизменными
В сердцах и памяти остались.
Судьбой и жизнью
Изменить пытались
Кровавый мир.
И заново рождались,
Примерив дедовский мундир!

Глава 1 Белка

Как написать,
О чём болит душа?
Как в руки взять перо?
Ты помнишь это, чуть дыша,
Хотя пять лет уже прошло...

Как снова пережить тот шок,
Что нервы сбил в один клубок,
Подвесив всё, что ты любил
На тонкий волосок.
И ты старательно забыл,
И никогда не вспоминал,
Как незнакомый голос твой
Тогда предательски дрожал.

Я снова там – то падал, то бежал...

В ушах противный жуткий вой,
Летящей с неба мины.
Он режет звуковой волной
Глубины
Неизведанной души
И волю душит,
Разум в пыль крушит!

Я сразу взмок!
Так липко вдоль спины...
За ворот лезет холодок,
Я вдруг осип.
Колючий хрип
Клокочет в горле,

А мокрые ладони суетливо тёрли
Уже горячий автомат...

Я снова помню!

Как злил тогда солдат
Внезапный и животный страх
И слабость, ломота в ногах –
Всё то, о чём
Стыдливо мы молчим потом...
И только меж собою
Раны бередим –
За смерть друзей делясь виною –
Не пожелал бы никому другим...

Казалось, сотни лет прошло,
Когда забвеньё унесло,
Что мнилось важным, дорогим,
Уже давно я стал седым.
Всё пеплом времени прикрыл
Вулкан былых страстей.
Лишь жаркий пламень не остыл
Январских этих дней.
Он нас обжёг и опалил,
На «до и после» жизнь разбил,
Перевернул судьбу

И ценности сменил.

Я снова слышу
Суматошную стрельбу,
Как мы на помощь шли,
Шепча мольбу
И напрягая волю.

Пронёсся век,
Что был прожит,
Пред нашими глазами –
Что видит в миг тот человек,
Не передать словами.
Как немощь победить?
Опять себя заставить встать?
И рваный ритм
В груди сдержать
Дрожащими руками?

На бранном поле гибели печать...

А перед нами –
Смерть встречать
С лицом, белее снега,
Не пригибаясь, шёл солдат
Средь ливня пуль

И грохота гранат.
Он шёл упрямо на врага
Со сжатыми зубами,
С холодной яростью в глазах,
Лица суровыми чертами.
Упрямо гнул
Свою Судьбу -
Его азарт
Нам спину выпрямил
И плечи развернул.
Он первым в монастырь
Успел на выручку!

Былинный богатырь...

Беляев Женя
Дух поднял
И осаждённых ободрил.
Как будто всех нас он обнял,
Прибавил сил,
Надежду вновь в сердца вселил...

И Крест свой взял!

Он умер сразу
От огня,

Что прямо в грудь
Попал ему...
Но Подвиг Белки
Смог встряхнуть
Всех нас в том сумрачном дыму.

Он в ополчение ушёл
Ещё в Славянске, в самое начало.
И Рок его судьбу
С судьбой России сплёл –
Сплелось тогда венков немало!
Он молчалив был,
Перед Выбором стоял –
Семью оставил,
Душу он закрыл.
Подобно предкам,
Божий Суд приял
И чашу полную испил!

Мой брат смельчак
И поступал он по-мужски,
А крайний шаг
Был смерти вопреки!

Как далеки
Уже те дни

И время вспять не повернуть.
Как хочется назад вернуть
Хотя б минуту –
Всё там изменить,
Подобно чуду –
Ребят спасти, предупредить...

Но опыт нам
Лишь с кровью будет дан!

Глава 2. Болгарин

На взгляд,
Он выпадал из ряда
И не похож был на бойца,
Но стержень этого солдата
Всё ставил на свои места.

Уверенный не по годам,
Он в разговоре вежлив был,
В бою не трусил.
Я помню искру по глазам,
Улыбку на лице безусом...
И часто, вместо автомата,
Он целил в фотоаппарат.
Ценил слова сильнее снаряда

Волшебник снимка и пера.

Я был знаком
С ним пару дней –
Мы на часах стояли.
Что смерть разделит нас потом,
Конечно, мы не знали.
Судьба проложит меж огней
Бетона полосу –
Наш час пробьёт...
И контролёр, подняв косу,
Нетерпеливо ждёт,
Чтоб выписать билет –
Мне на посадку,
А ему на взлёт!

Донецкий аэропорт...

И был спрессован день за днём,
Уже упала «Башня»!
Казалось, мы вот-вот дожмём...
И было страшно,
И азарт пьянил,
Мы думали, нам хватит сил
Войну обратно повернуть...
И мнилось, что познали Суть

Доисторических Времён,
С которых повесть мы ведём
Борьбы Добра со Злом!

Потом был гром!
И ярый штурм!
И бой за каждым этажом –
Победы славный шум!

Вопрос уж был решённый...
А Новый Терминал
Нам всем тогда напоминал
Пирог, враждой слоёный.

В короткий перемирья час
Враг перебросил силы,
Застав врасплох, поставил нас
На выбор: или-или...

В тот краткий миг,
Что нас делил
На мёртвых и живых,
Наш Игорь подвиг совершил,
Друзей огнём прикрыв.

И наш я вспомнил разговор –

Простой и тихий парень,
В словах его светил задор
И вера твёрдая, как камень!
Глазами ясными на мир
Взирал и улыбался.
И как восторженный Шекспир,
Романтиком остался.

Он стал свидетелем того,
Как Правды миг свершился
И Исторический Урок
Неотвратимо сбылся!
Событья, словно метеор –
На площади, в Донецке
Уж поднимали Триколор
И Красный флаг Советский!

Ну а потом, пришла беда –
Ложились «Грады» на дома,
Небратья нас
С сырой землёй ровняли –
И гибли дети, люди умирали!
Война вернулась в грозный час!

Тогда мы автоматы взяли.

Средь первых
Игорь в бой вступил.
Предчувствовал, наверно –
Очень уж спешил
Он жить, мечтать
И доказать,
Что Путь был выбран верный!
Любил безмерно
Родину свою.

Он и сейчас у нас в строю!

По совести он жил.
И завершил
Свой краткий Путь
В Святом монастыре –
Не мог он в сторону свернуть
В том жарком январе!

И в Храме Душу отпустил
Простой и тихий парень,
Донбасса верный и любимый сын –
Игорь Юдин,
Позывной Болгарин!

Глава 3. Пятница

– Мельница, Мельница –
Пятнице, Пятнице! –
Слышу по рации –
Голос меняется.
– Танки по взлётке
Идут на прорыв,
Бьют по наводке
Прямой... – снова взрыв
Заглушает слова,
За разрывом – разрыв
И гудит голова...

Разум поплыл,
Сатанеет арта –
Привратник открыл
Широко ворота!

Звон по ушам,
Под глазами круги,
Снова тошнит,
Заставляешь идти
Ватные ноги...

А голос вдали:
– Мельница, Мельница –
Нам бы «Шмели»!

Всё переменится –
Дайте БэКа
И АГСом
Насыпьте слегка!

Голос уверен
И твёрд на слова.

Час уж отмерен!

Мы не знали тогда –
Градом осколков
Был ранен наш брат!
Тревоги нисколько –
Спокойно звучат
Координаты:
– Направо полста,
Вижу граната
По цели легла.
Веером влево,
Давай, Контрабас!

Мина запела,
Сверкнул и погас
Яркий сноп света
От вражьей брони...

Выход квартета
«Васильковский» вдали,
Снова прилёт
Двух пакетов ракет...

Танк в упор бьёт!

И спасения нет
Даже за мощной
Монастырской стеной...
Отвечаем на ощупь!

Донецк за спиной!

Сполох разрыва –
Старуха хрома
Воеет с надрывом –
Сгущается тьма...
Можно пощупать
Руками ту мглу!
Танк снова лупит –
Равняет к нулю!

Валит усталость,
Земля холодна –
Память вращалась

В мгновениях сна...

Помню ту встречу
В первом бою,
В первый мой вечер
На самом краю.
Приём был почётный –
С корабля да на бал –
Под пулемётный
Огонь я попал.

Машет рукой
Мне солдат молодой:
– Давай, брат, в подсолнухи –
Будешь живой.
Очередь волнами,
Пули спешат –
Стоит, улыбается
Юный солдат.
– Женя, – представился,
Обнял меня.
Будто бы старше был он,
А не я.

Слышу сквозь свист
Миномётный слова:

– А ты не «турист», –
То была похвала...

Сам с Ленинграда,
Служил в ВДВ –
Душой был отряда,
С удачей в родстве!
Ясна голова –
На лету всё ловил,
Отдаваясь сполна
Ко всему, что ценил –
И семью, и страну,
Разделённый народ,
Маму, Солнце, Весну –
Новый русский Восход!

Он приехал помочь
В том тяжёлом году –
Ему стало невмочь
Видеть, словно в аду,
Разрушает Донбасс
Пронацистская власть
И идёт убивать
Несогласных... И всласть
Упивается болью
И кровью людей!

Он пришёл защищать
По природе своей!

Он отрядом дышал
И не спал вечерами,
Он матчасть изучал
И делил между нами
Ту науку войны,
Что сберечь нас должна...

Мы ж потом три цены
Заплатили сполна!

Снова близкий разрыв
Привёл в чувство меня...
А в эфире надрыв:
– Огня нам, огня!
– Витя давай, чего ты завис? –
Кроет по рации матом Ирис!

Десять часов
Меч висел над судьбой,
В Храме Христовом
Стоявших стеной.

Штурм захлебнулся,

Как в горле комок –
Враг не дерзнул
На последний рывок!
Утром хвалился,
Обещал наповал
Нас разгромить,
Но теперь отползал...
Тяжело, неохотно,
Но бой утихал...

Поочерёдно
Принимали ребят,
Сквозь окно доставали –
Ещё пули летят...

И трёхсотых
К броне
Мы несли на руках –
Виноваты втройне,
Спотыкались впотьмах...

Если б раньше сумели
Их доставить к врачам,
Может быть и успели –
Могли б спать по ночам...

Он сам
Пытался лезть в окно,
Но силы были на пределе...
Таким запомнил я его –
Мой брат
Евгений Красношеин!

Я прожил этот день стократ...

Он всё ещё живой,
Рукой
Держался, тьму кляня –
Мы были целым,
Как родня.
И взором зрелым
На меня смотрел –
Как быстро Женя повзрослел!

И бесконечным был наш путь,
Нести едва хватало сил,
И нечем пот со лба смахнуть...
Он очень тихо говорил,
По-прежнему в глаза смотря:
– Врага отряд остановил
У стен монастыря!

Семнадцатое января...

.....

Так просто всё, понятно было –

Пришла беда –

Мы дали ей отпор!

Увы, так много изменилось –

Уж нет следа,

С тех самых пор,

Идеи, что тогда сплотила,

Надежды, Веры –

Только Боль!

Тупая боль опустошенья

И Минских сговоров капкан,

И вдовьих слёз без утешенья,

Победы призрачный обман...

Уходят парни по следам

Героев прежних лет – своих дедов!

Уходят, долг за нас отдав,

Дорогой песен и цветов...

Александр Добрый

декабрь 2019.

Рядом с нами в те дни, плечом к плечу, сражались испанцы, итальянцы, даже американцы. И Альфонсо, и Техас с Орионом, и Спартак с Архангелом говорили, что фашизм в их странах уже победил. И противостоять ему они могут только на Донбассе. Много сербов и осетин, как и мой друг Беко, приехали отдавать Святой Долг за помощь русских добровольцев на их Родине.

Белка, Болгарин и Пятница были первым из отряда «Суть Времени», ушедшими в мир иной. За ними ушли Лис и Алис, потом Сухарь и Альпинист – этих ребят я не знал лично, а вот Дима Жидов (Муслим) погиб на моих глазах. После моего отъезда погибли Максим Гулевский (Двойка), Денис Спицын (Кош), Андрей Сулохин (Сульфат), Хаджиакбар Шарипов (Узбек). Узнавали с болью о потерях ребят из других подразделений, как моего друга из СОБРа Валеры Беспалова (Старого), знакомых и незнакомых, известных командиров и простых бойцов.

Были и тяжёлые ранения наших товарищей, когда они заново учились жить без ног, без глаз, немощные и слабые телом, но сильные духом. Я спросил Сашу Рюана – пошёл бы он снова защищать Донбасс, если бы знал, что Идею перевернут, а он сам потеряет здоровье? И он ответил, что пошёл бы без сомнения, потому что мы остановили первую волну,

самую страшную и грязную...

Для меня было честью делить с вами все тяготы, мечты, идеи и стремления!

Светлой Памяти, братья.

тропа

разведчика

(фото из личного архива А. Доброго)

8. Тропа разведчика

Правда у каждого своя, да Истина у Бога.
И главным критерием своих помыслов и поступков
Считаю выбор Предков –
Как бы Они поступили на моём месте?
Достойно ли я продолжаю Их Путь?
И что Они скажут, когда мы встретимся?

памяти Максима Гулевского (Двойка)
Димы Жидова (Муслим)
Дениса Спицына (Кош)
Андрея Сулохина (Сульфат)
Ярослава Юшина (Юджин)

В тумане предрассветной мглы
Уходят призрачные тени,
Растаяли по одному вдали,
На переходе двух мгновений...

Как будто
В параллельный мир,
Через горло узкое сосуда,
За другом друг
Скользят в эфир –

И стёжки нет
В траве упругой.

Полоской тонкою рассвет
Уже играет на Востоке,
По-прежнему глядят вослед
Те, кто остался на пороге...

И зыбкий сумрак поглотил
Ребят, ушедших
В неизвестность –
Одной Судьбой соединил
На краткий миг
Или на вечность!

Теперь лишь ждать!

Часы считать,
Смотреть на рацию,
Стараться угадать,
Как далеко они прошли,
Ловить вибрацию земли...
И душу рвать!

Курить,
Просчитывать опять –

Всё ль ты предусмотрел,
Притёр ли группу,
Сладить ли успел?..
Уж лучше б сам
На ту тропу!
Душа напополам –
Невмоготу!

Вот провожатые вернулись,
Через ловушки провели –
Мои пригнулись
И линию пересекли...

Здесь всё иначе –
Прочь нужда,
Пустая тщета, суета...
Мы на задаче –
Цель одна
И разум чист,
Ты шепчешь:
– Боже, сохрани!
Сжимаешь зубы крепче...
Мы снова на тропе –
След в след,
Стопа к стопе.

Пять метров –
Друга силуэт.
Дыханье ветра,
Шум листвы,
В «зелёнке» уханье совы.
А справа, слева
Без краёв поля,
Лесопосадками деля
Квадраты,
Как в компьютерной игре,
Где змейкой редкою солдаты
Столкнуться могут на бугре...
И «плётки» свист
Разделит их
На мёртвых и живых!

Дозор завис –
Опасности волна...
И нерв дрожит,
Натянут, как струна,
А тишина
Звенит с надрывом...
Адреналин колотит грудь,
Инстинкт пружиной –
Не вздохнуть!

Звериный нюх
Почуял – мины!

Согнулись спины,
Замер дух,
И напряженье
Скулы сводит...
Едва успев,
Глаза находят
Растяжки шлейф
По золотой траве –
Длинней,
Чем нужно,
К счастью!
А в канаве
МОН-50...
Дышу натужно,
Капельки блестят
На бледном лице
Моего собрата –
Дыханье Смерти
Смрадно и отвратно!

Ты как охотник,
Так и дичь –
Капканов столько,

Что постичь

Ты можешь поведение зверя

И, интуиции доверив,

Идёшь, преодолевая страх.

Здесь каждый шаг

Последним может быть...

Но чувства надо подавить

И путь держать!

Ступать легко

И ноги поднимать,

Внимательно и широко

Глазами местность пробегать –

Искать, что тут не так, не то...

И осторожно огибать

Возможные засады,

Чтоб после локти не кусать

В бессилии, с досады!

Лишь шанс

Даётся здесь из ста –

И спеть романс

Ты должен до последней ноты.

Ошибка может быть проста –

Расплата будет до хрипоты!

А за спиной,
Что можешь унести –
Оружие, БК, припасы...
И путь домой
Нередко через дни,
Да и не факт,
Что прямиком на базу.

Нам выход могут изменить
И огневой контакт
С врагом
Сродни провалу,
А напролом
Задачу не решить –
Одна потеря –
Крест к финалу!

И душу вверя
Ангелу, идём –
Хотя, бывает, устаёт однажды
Хранитель наш,
Не спящий день за днём!
И полетит домой конверт бумажный...

А встретить может

«Дружеский огонь»,
Не раз он нас
Уже перекорёжил –
Кого-то выручает бронь,
А кто-то...
Скорбный счёт умножил.

Я с Двойкой
Больше времени провёл,
Поэтому скажу о нём подробнее –
Он командир,
Который за собою вёл!
И в риске был со всеми ровней!

Не запятнал он свой мундир
Ни чванством,
Ни пустым бахвальством.
Берёг людей,
Как ценный эликсир –
И это понимал буквально!

Но лишь себя
Ты не сумел сберечь,
Мой друг, любя
С размахом жизнь,
Ты ею расплатился

За Память предков
И за Честь
Земли, в которой ты родился!

Я не был там,
Когда отбыл
Ты к новым берегам,
К рассветам,
Где ворон над головой кружил,
В кровавое перо одетый...

И часть меня
Ушла с тобой,
Храня воспоминанья,
Где ты живой
Мне руку жмёшь
На долгое прощанье...

Теперь ты без меня ведёшь
Небесною тропой
Разведку с группой боевой
Меж Верой и Судьбой!

Я знаю, будешь начеку,
Дорога пусть долга,
Но мы ещё попьём чайку,

Как говорил Вольга!

Твой сводный брат
Продолжит путь,
Что ты прервал тогда.
Увидимся когда-нибудь –
Стрелой летят года!

Закон разведки
Верный и простой,
А случаи, увы нередки –
Каков бы не был
Жаркий бой,
Насмерть устав,
Идя на ощупь и впотьмах,
Мы группой полной
Возвращаемся домой!
Кто «на щите»,
Кто на своих ногах,
Но все!

Так за Муслимом
Возвращались –
Печальна ноша, тяжела...
Его несли
И вслух прощались...

Прости, что чуйка подвела!

К тебе склонился
На отходе,
Но не почувствовал беду –
Твой Путь свершился...
В Небосводе
Зажгли ещё одну Звезду!

На крови
Опыт нам даётся –
Готовых
Способов не жди!
Суровой ниткой
Вера шьётся,
Стежки оставив позади
Ошибок страшных,
Незабытых,
Что грузом
На плечо легли
И семь потов,
Тобой пролитых
На каждой тропке
У Земли,
Что наши деды защищали
И защищать поклялись мы!

Как Юджин,
Прикрывать остались,
За нашу жизнь
Отдав займы
Судьбу свою –
Навек прощались
Со мной товарищи мои...

Отряд построен пред глазами –
Здесь Кош, Узбек,
Муслим, Сульфат
И сотни тех,
Кого не знаю,
Но с кем делил я боль утрат,
Сухарь последний перед боем,
На всех воды,
Патронов и гранат...
И с кем пройдем
Однажды строим
Плечом к плечу с дедами
НА ЗАКАТ!

Александр Добрый
Март 2020 г.

(фото из личного архива А. Доброго)

Послесловие

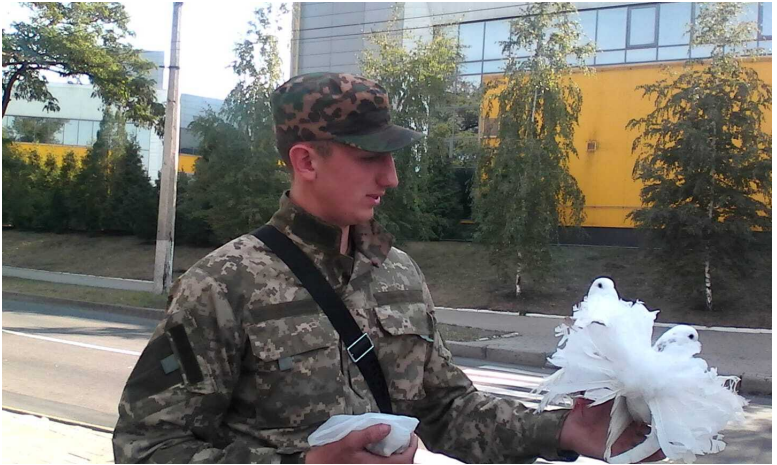
События в зоне Специальной Военной Операции незаслуженно, но закономерно перевернули славные страницы Донецкого Ополчения. Война страшным тяжёлым катком без остановки, равнодушно и монотонно раскатывает жизни и судьбы людей с обеих сторон фронта. Недавно вспоминал ребят с 15-ого года – почти никого в живых не осталось. Штурм Волновахи и Мариуполя забрал практически всех, кто сумел выжить за восемь лет войны и кто повёл за собой молодых и неопытных.

Джама погиб 18 марта 2022 года. Его группа заняла стоящий впереди дом у площади Свободы в Мариуполе, который оказался подготовленной ловушкой. Противник отсёк перекрёстным пулемётным огнём пути отхода, танк выкатился на прямую наводку и стал методично и безнаказанно ровнять тот самый дом. Пошли первые потери... Командир группы Джама выскочил на второй этаж и, стреляя из пулемёта и автомата, вызвал огонь противника на себя. Пользуясь переносом огня и замешательством врага, группа смогла отойти к своим.

Потом фронт покатился дальше к Азовстали, дом оказался в тылу, но Джаму не нашли под грудями битого кирпича. Его брат руками терпеливо день за днём разбирал эти завалы, пока не нашёл...

А я помню его с широкой улыбкой и открытым взглядом солнечным осенним днём 2015 года в парке Щербакова с белыми голубями на руках.

Мой друг Денис Олегович Джумурат (Джама) Герой Донецкой Народной Республики.

(фото из личного архива А. Доброго)

Дороги моих друзей-командиров Егора Горшкова – Вольги и Виталия Сукуева – Хана разошлись на долгие годы. Они общались, но Вольга с отрядом «Суть Времени» продолжал воевать на Донбассе, а Хан принял командование гвардейским десантно-штурмовым полком Российской ар-

мии и неоднократно бывал в Сирии. Они снова встретились, когда началась СВО.

Судьба свела их 28 сентября 2022 года на Херсонской земле. Как в былые времена, они вместе выдвинулись к передовой, обсуждая взаимодействие и поставленные задачи – надо всё видеть собственными глазами. В цветущие поля они ушли тоже вместе – бронированный «Тигр» подорвался на ТМ.

Царствие им Небесное...

Герой России Виталий Владимирович Сукуев – позывной Хан
(рисунок А. Доброго)

Маховик Войны раскачивается всё сильнее. Впереди ещё много побед, разочарований, смертей и счастливых спасений.

Летом 2022 года я попал в состав добровольческого батальона «БАРС-19», но это уже совсем другая история.